

МЕМУАРЫ. ПИСЬМА. ДНЕВНИКИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-5-34-94

УДК 821.161.1

Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы. [2]

А.Л. Соболев

Аннотация: Продолжение мемуаров Сергея Георгиевича Кара-Мурзы (1878–1956), начатых печатанием в прошлом номере «Литературного факта». Эти очерки и портреты автор готовил для своей так и не состоявшейся книги «Литературные воспоминания». Две главы, помещаемые в этом номере журнала, содержат воспоминания о литературном кружке Варвары Алексеевны Морозовой (1848–1917) и о писателе Леониде Николаевиче Андрееве (1871–1919).

Ключевые слова: биографические документы, русская литература начала XX века, С.Г. Кара-Мурза, В.А. Морозова, литературные кружки и салоны, Л.Н. Андреев.

Информация об авторе: Александр Львович Соболев, независимый исследователь, Москва, Россия. E-mail: trirodov@gmail.com

Литературный салон В.А. Морозовой¹

Существует старая, забытая, но чрезвычайно интересная книга известного некогда петербургского фельетониста 90-х годов Владимира Михневича «Наши знакомые»². Она была отпечатана фирмой Эдуарда Гоппе³ и ныне уже стала библиографической редкостью.

¹ Печатается по машинописи с авторской правкой: РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 15. К воспоминаниям о салоне В.А. Морозовой Кара-Мурза обращался как минимум трижды — см. его печатные мемуары: *Саддукей*. Литературные салоны // Московская газета. 1913. № 235. 3 февраля. С. 5; *Кара-Мурза С.Г.* Московская m-me Жофрен // Понедельник власти народа. 1918. № 2. 11 марта (26 февраля). С. 3. Настоящий вариант многократно расширен по сравнению с ними.

² Владимир Осипович Михневич (1841–1899) — журналист и прозаик. Названная книга (с подзаголовком «Фельетонный словарь современников. 1000 характеристик русских государственных и общественных деятелей, ученых, писателей, художников, коммерсантов, промышленников и пр.») напечатана в 1884 г. Вышел только первый выпуск. Следующая далее цитата взята (с небольшими погрешностями) со с. 151–152.

³ Гоппе Эдуард Дмитриевич (1840–?) — содержатель типографии, издатель.

В ней дана необыкновенно меткая, порой несколько шаржированная, но в большинстве случаев остроумная и яркая характеристика более чем тысячи лиц знаменитых, известных и популярных людей того времени. Некоторые из очерков и портретов Михневича не потеряли своего интереса и свежести даже для нашего времени. Книга снабжена 60 портретами, карикатурами, исполненными даровитым рисовальщиком прошлого века Александром Игнатьевичем Лебедевым⁴.

Вот что мы читаем на стр. 151 этой книги: «Морозовы — весьма громкая фамилия в области российской мануфактуры и торговли. Морозова В.А. — отпрыск вышеописанной именитой фамилии, богатая вдова, олицетворяющая в себе Марфу-Посадницу новейшей культурной формации. Величественно-прекрасная жена, бойкая купчиха-фабрикантша и в то же время элегантная, просвещенная хозяйка одного из интеллигентнейших салонов в Москве; утром щелкает в конторе костяшками на счетах, вечером извлекает теми же перстами волшебные шопеновские мелодии, беседует о теории Карла Маркса и зачитывается новейшими философами и публицистами. Свое сочувствие просвещению г-жа Морозова выразила и на деле, вызвавшись поддержать своим капиталом женские врачебные курсы и пожертвовав крупную сумму денег на учреждение школы имени Тургенева».

Нет необходимости, конечно, говорить о том, что сравнение В.А. Морозовой с Марфой-Посадницей — обыкновенная фельетонная гипербола, смелая литературно-газетная вольность. Главой политического движения В.А. никогда не была, ссылать ее, как Марфу-Посадницу, в отдаленный монастырь правительству не было надобности, и умерла она не в Соловках, а в собственном особняке. Она скончалась осенью 1917 года, в разгар самых ожесточенных политических распрей и партийных бурь.

Однако крупница правды в рискованном сравнении Михневича все-таки есть. Как Василий Темный, сидя в XV столетии на Москве, знал, что где-то в Новгороде, в доме жены посадника, Марфы Борецкой, зреет недовольство, а, может быть, и бунт против его правления, так и в нашу эпоху в конце прошлого столетия правительства Толстого, Делянова, Боголепова⁵ знали, что в Москве есть дом, где постоянно и неугасимо горит огонь подавленного общественного протеста против господствующего государственного курса.

В те годы самой мрачной политической реакции, общественного безвременья и уныния в доме В.А. Морозовой неизменно проис-

⁴ Александр Игнатьевич Лебедев (1830–1898) — карикатурист, литограф.

⁵ Последовательно перечислены министр внутренних дел Дмитрий Андреевич Толстой (1823–1889), министр народного просвещения Иван Давыдович Делянов (1818–1897) и министр народного просвещения Николай Павлович Боголепов (1846–1901).

ходили встречи писателей и общественных деятелей, устраивались литературные беседы и обсуждались все волновавшие общество вопросы. Эти вечера посещались: Н.К. Михайловским, Вл. Короленко, Гл. Успенским, П.Д. Боборыкиным, А. Чеховым, В.А. Гольцевым, Вас. Мих. Соболевским, Гр. Мачтетом и др.⁶

В голодный 1892-ой год В.А. Морозова лично поехала в Самарскую степь и организовала там столовую для голодающих не только на собственные средства, но и своими трудами, чуть что не собственными руками; разве это не должно было показаться правительству Горемыкина и Победоносцева⁷ вызовом, брошенным власти какой-то фрондирующей московской купчихой?

Тем не менее, не воспоминание о Марфе-Посаднице, а совершенно другой образ из иной эпохи и другого быта вызывает в мыслях жизнь и деятельность В.А. Морозовой. История Франции XVIII века сохранила нам яркую фигуру Марии-Терезии Жофрен, хозяйки знаменитого литературного салона, куда в продолжении целых 25 лет сходилась все, что было образованного и талантливого в Париже. В 1748 году м-м Жофрен открыла свой салон, где стали появляться Монтескье, Фонтенель, Мариво и др. По словам Сент-Бева, салон Жофрен был своего рода учреждением прекрасно организованным и отлично управляемым. У Жофрен были особые приемы для литераторов и ученых, отдельные дни для художников и интимные вечера для светских знакомых. Громкой известностью пользовались ее литературные обеды, где рядом с Даламбером, Дидро и другими можно было встретить знатных и образованных иностранцев. Общество, собиравшееся на этих обедах, по средам, состояло из самых известных лиц. Разговор за обедом касался всевозможных предметов: литературные и политические новости, события общественной важности, вновь написанные стихи, все это давало повод к живому обмену мыслей. Жофрен принимала горячее участие в издании трудов энциклопедистов, на что ежегодно жертвовала значительную сумму денег⁸.

⁶ Перечисленные лица вряд ли нуждаются в комментарии за исключением, может быть, журналиста Виктора Александровича Гольцева (1850–1906), Василия Михайловича Соболевского (1846–1913) — публициста, издателя газеты «Русские ведомости», гражданского мужа В.А. Морозовой; прозаика Григория Александровича Мачтета (1852–1901).

⁷ Иван Логгинович Горемыкин (1839–1917) — министр внутренних дел, председатель совета министров. Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — обер-прокурор Святейшего Синода.

⁸ В этом абзаце Кара-Мурза близко к тексту цитирует статью из «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона (СПб., 1894. Т. XII. С. 36–37). Указанная цитата из Сент-Бева взята из его очерка «Madame Geoffrin» (*Sainte-Beuve C.-A. Causeries du lundi*. Т. 2. Seconde edition. Paris, 1852. P. 241).

Вот такой российской Марией-Терезией Жоффрен, деятельницей широкого почина и высокого строя души, как и покровительница французских энциклопедистов, была, как мне представляется, В.А. Морозова, в чьем литературном салоне я бывал в течение 4 лет с 1899 по 1903 год.

В.А. жила на Воздвиженке в собственном особняке (в котором сейчас находится Государственный Аграрный Институт)⁹. Его не следует смешивать с другим особняком, стоящим рядом (в котором ныне помещается Пролеткульт), грубым и аляповатым, чисто купеческим, антихудожественным зданием, принадлежавшим сыну В.А., Арсению Абрамовичу Морозову¹⁰.

У В.А., урожденной Хлудовой, от первого ее мужа, Морозова, было три сына, и Арсений из них был наименее удачный. Два других, Михаил Абрамович и Иван Абрамович, были люди весьма культурные и оставили некоторый след в литературно-художественной жизни Москвы. Михаил Абрамович, отлично зарисованный в пьесе А.И. Сумбатова «Джентльмен»¹¹, был литератор, конечно, дилетантского типа: он писал под псевдонимом Мих. Юрьев. Под этим именем он издал две книги: одно историческое исследование о Карле V и другую книгу своих заграничных впечатлений о путешествии по Италии¹². Оба эти сочинения, правда, особым литературным дарованием не блещут, но обнаруживают в авторе некоторую пытливость ума. Карл V между прочим был отмечен Н.К. Михайловским в рецензии «Русского Богатства»¹³. Особняк Михаила Абрамовича на Смоленском бульваре¹⁴ был местом встреч молодого поколения московского купечества новейшей формации, вступающего на путь европеизации. Облик Михаила Абрамовича известен по портретам работы Серова и Цорна¹⁵; Михаил Абрамович умер молодым, около 30 лет¹⁶.

⁹ Дом сохранился (современный адрес: Воздвиженка, д. 14).

¹⁰ В настоящий момент — Дом приемов правительства; Воздвиженка, д. 16.

¹¹ Вопреки единодушному мнению на этот счет, сам Александр Иванович Сумбатов (1857–1927) категорически опровергал прототипический статус Морозова; см.: Кн. А.И. Сумбатов о «Джентльмене» (письмо в редакцию) // Русское слово. 1914. № 37. 14 февраля. С. 6.

¹² *Юрьев М.* [Морозов М.А.] Карл Пятый и его время. Этюд. Ч. 1. М., 1894; *Юрьев М.* [Морозов М.А.] Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895. Этими книгами библиография М.А. Морозова не исчерпывается.

¹³ Русское богатство. 1893. № 11. Отд. II. С. 87–90.

¹⁴ Дом сохранился: Смоленский бульвар, д. 26/9, стр. 1.

¹⁵ Портрет М.А. Морозова работы В.А. Серова (ГТГ) общеизвестен; напротив, его портрета кисти Цорна мы не знаем (ср., впрочем, смутное указание на существование цорновского портрета С. (!) Морозова, хранящегося в ГМИИ: Волдемар Матвей (Владимир Марков) (1877–1914). Статьи. Каталог произведений. Письма. [М.,] 2002. С. 21).

¹⁶ М.А. Морозов умер 12 октября 1903 г., прожив 33 года.

Другой сын Варвары Алексеевны, Иван Абрамович, собрал большую коллекцию картин французской живописи, принадлежащих кисти выдающихся художников (ныне 2-ой музей новейшего западного искусства). Что касается Арсения Абрамовича, то кроме упомянутого особняка, он, кажется, ничем не был примечателен.

По Москве в свое время рассказывали, что, когда он решил выстроить себе дом, он пригласил архитектора Мазырина и велел ему соорудить такое здание, которое удивило бы всю Европу. Когда архитектор спросил, в каком стиле должно быть выстроено будущее здание, Арсений Абрамович ответил: «Нешто у нас денег не хватит, чтоб строить в одном стиле, валяй во всех». Так, кажется, Мазырин и поступил, — дом выстроен во всех стилях. Тем не менее, какие-то намеки на стиль в доме все-таки имеются. Арсений Абрамович, путешествуя по Пиренейскому полуострову, был пленен каким-то замком в Португалии и специально возил Мазырина куда-то на берег Атлантического океана, где московский архитектор ознакомился с замком¹⁷. Там он скопировал некоторые детали: витые колонны, плетёный парапет, раковины и виноградные гроздья, украшающие теперь фасад нашего Пролеткульта. Мазыриным, между прочим, выстроен в Москве еще один оригинальный дом: это особняк Игумновых на Якиманке¹⁸. Смерть Арсения Абрамовича последовала от результатов хронического алкоголизма, а архитектор Мазырин впоследствии сошел с ума и умер в доме умалишенных¹⁹.

Итак: особняк Варвары Алексеевны был небольшой, одноэтажный, серый; он скрыт за густыми деревьями небольшого сада, теряется рядом с атлантическим замком московского португальца и не привлекает взоров любопытных. Но внутри дома все убранство его, отличаясь скромной простотой, обличало высокий вкус хозяйки. Когда я впервые вошел в этот дом, после казенных стен закрытого учебного заведения, знакомый с богатством и роскошью только по книгам, я подумал: таковы, вероятно, отели в Сен-Жерменском предместье Парижа, описываемые в романах Додэ.

Меня ввел в дом Варвары Алексеевны товарищ, студент-медик 2-го курса. Он мало интересовался медициной и отдавал все свое время литературе. Чувствуя в себе призвание беллетриста, он уже

¹⁷ Имеется в виду Дворец Пена, летняя резиденция португальских королей. Подробно история совместного путешествия заказчика и архитектора изложена в: *Савинова Е. Виктор Мазырин. Портрет зодчего на фоне времени.* М., 2013. С. 95–104.

¹⁸ Кара-Мурза ошибается: дом Игумновых (Большая Якиманка, д. 43) был построен Н.И. Поздеевым.

¹⁹ Согласно общепринятой версии, Мазырин умер в Москве в 1919 г. от брюшного тифа (*Савинова Е. Виктор Мазырин. Портрет зодчего на фоне времени.* С. 244). См. также: *Нацокина М.В. Архитекторы московского модерна. Творческие портреты.* М., 1998. С. 186–187.

поместил в московской газете «Курьер», где литературным отделом в то время заведовал Леонид Андреев, два рассказа, «На тот берег» и еще другой, названия которого не помню. Я мало придавал значения его беллетристическим опытам и полагал, что из него выйдет скорее литературный критик, чем беллетрист. Будущее показало, однако, что я ошибся, так как этим студентом был Георгий Иванович Чулков. Вскорости разразились известные студенческие волнения 1900-го года. Чулков был арестован и выслан в Якутскую область. Там он пленился тайгой и на долгие годы сделал ее источником своих литературных вдохновений. Первая же его книжка о тайге «Весной на север» привлекла к нему симпатии критики. Злые языки шутили, что Чулков взял монопольный патент на тайгу и этим приобрел себе место в литературе. Правда, мотивы тайги и тундры очень мало были у нас разработаны в литературе, а Чулков сумел придать им известный поэтический колорит и сделать их объектом не лишенных нежности лирических раздумий.

В этот период, когда я впервые вошел в салон Морозовой, организатором тамошних литературных собеседований был популярный москвич — Цезарь Павлович Балталон. Это был оригинальный и любопытный человек. Достаточно указать на то, что он вмещал в себе самые неожиданные свойства и интересы. Он был француз по национальности, католик по религии, говорил с заметным романским акцентом; по образованию был юрист, по своим научным симпатиям — философ; писал он почти исключительно об эстетике Белинского. На эту тему он оставил несколько книг. А быть ему пришлось преподавателем русской словесности в кадетских корпусах, и в свободное время исполнять обязанности, так сказать, церемониймейстера по литературным делам в салоне московской купчихи. Это ли не разнообразие профессий. Свое назначение у Варвары Алексеевны он выполнял прекрасно. Приискивал докладчиков, намечал темы, руководил прениями и вообще всячески оживлял беседу. Я не сомневаюсь, что когда-нибудь в книгах московских мемуаристов много страниц будет отведено Цезарю Балталону²⁰. Для курьеза сообщу, что у него был сын Юлий — Юлий Цезарь Балталон, который, быть может, когда-нибудь по примеру своего знаменитого тезки напишет новые «*Commentarii de bello civili*»²¹.

²⁰ Вопреки ожиданиям автора, фигура Цезаря Павловича Балталона (1855–1913) осталась не слишком известной. См. о нем: *Станюкович В.К.* Воспоминания о Брюсове // Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 725, 728–729; Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1. А–М. М., 1993. С. 69–70; Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгерова. СПб., 2001. Т. 1. А–Л. С. 106; *Максимова С.Н.* Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX века. М., 2005. С. 204.

²¹ О Юлии Цезаревиче Балталоне см. в воспоминаниях его друга детства: *Алексеев Н.Н.* В бурные годы. На первых ступенях нашей alma mater // Новый

После Цезаря Балталона заведующие организацией литературных бесед неоднократно менялись: некоторое время был таковым Владимир Евграфович Ермилов²². Затем Петр Константинович Иванов и, наконец, Евгений Иванович Вишняков.

Стоит остановиться на несколько минут на фигуре Владимира Евграфовича Ермилова. Это тоже был очень популярный москвич. Кто не знал этого милейшего, вечно суесящегося, беспокоящего оживленного московского литератора. Он постоянно что-нибудь устраивал, организовывал, хлопотал и бескорыстно рекламировал безразлично что: новый журнал, любительский спектакль, литературный вечер, вкусные домашние обеды, дешевые меблированные комнаты. У него было несколько прозвищ: «Ермишка» — пренебрежительно звали его газетные репортеры. А официанты в кафе, где постоянно сиживал Ермилов, не называли его иначе, как «собачий пистолет»²³. Что это обозначало, я никак не мог понять, но было очень смешно и почему-то похоже. Леонид Андреев, умевший давать людям необыкновенно меткие прозвища, прозвал его «святой прохвост». Это было и зло, и остроумно. Как известно, большим мастером на такие определения, построенные в mutually друг друга исключающих понятиях, был Д.В. Григорович. Достаточно вспомнить его классическую характеристику Стасова: «бешеный голубь»²⁴, в которой сказалась и неестественная экзальтация, и глубокая кротость громокипящего критика. К этой же категории определений относится и выдумка Л. Андреева. В прошлом Ермилов был педагог из либералов и, кажется, пострадал за свои убеждения. Одно время он сотрудничал в «Русских ведомостях» и писал статьи на педагогические темы, в которых боролся со школьной рутинной. Эти фельетоны собраны и изданы им отдельной книгой под названием «В борьбе с рутинной». Помню одну его статью «Муки памя-

журнал. 1958. Кн. 53. С. 181. В 1910-е годы занимался практическим рыболовством (в частности, написав книгу «Рыба и ее свойства при холодном хранении» (М., 1915)), позже преподавал в Московском высшем техническом училище рыбного хозяйства.

²² Ермилов Владимир Евграфович (1861—1918) — журналист и педагог.

²³ Об этом же прозвище (не называя прямо его носителя) вспоминает в мемуарах К.А. Коровин: «На третьей телеге едем мы — я, архитектор В.С. Кузнецов и литератор, прозванный Собачий Пистолет. [...] Третий — литератор. Что он писал, не знаю, интеллигент. Почему Собачий Пистолет — неизвестно. Но когда он узнал свое прозвище впервые, то сказал: “В России нет культуры”» (Коровин К. «То было давно... там... в России...». Воспоминания, рассказы, письма. М., 2010. Кн. 2. С. 688; см. также его краткий мемуар «Собачий пистолет», посвященный, вероятно, тому же Ермилову: Там же. С. 96–99).

²⁴ В литературе зафиксировано это определение Григоровича, относящееся не к Стасову, а к И.С. Тургеневу: *Островский А.Г.* Тургенев в записях современников. Л., 1929. С. 315.

ти». В ней Владимир Евграфович доказывал, что гимназистам в память западает лишь одно смешное и забавное. Так, напр., они хорошо помнят Герцога Бульонского, потому что он напоминает им бульон²⁵. «Вскипел бульон, течет во храм»²⁶. Ермилов перебивал на первых курсах всех факультетов Московского Университета, но ни одного не прошел до конца. В нем несомненно были заложены задатки немалых и разнообразных дарований, но он их растратил зря в мелкой и повседневной газетной работе. Он был прекрасным рассказчиком; его монологи и рассказы на любительских вечерах имели большой успех; особенно рассказы из педагогического быта: «урок закона божия», «инспектор женской гимназии», «экзамен», «шах персидский» и др. Они были не лучше и не хуже рассказов Вейнберга, Мальского, Сладкопепцева, Лебедева²⁷ и если бы были изданы отдельной книгой, дали бы хороший материал для эстрадного чтения. Успех в качестве рассказчика вскружил голову Владимиру Евграфовичу, он пожелал испытать свои силы на сцене и добился закрытого дебюта в Малом театре. В одном из великопостных спектаклей ему предоставили роль Городничего. Маленький и щупленький Ермилов напаялил на себя громадную толщину и, чтоб казаться грозным, рычал на весь театр. Он наполнил сильным криком всю сцену, но из этого ничего путного не вышло. Дебютант жестоко провалился. Ермилов пользовался особым расположением Варвары Алексеевны, которая его чисто по-русски жалела. Задумав издавать общедоступный для народа журнал, он выпросил у Морозовой деньги на его издание. Варвара Алексеевна ему охотно отпустила 10 000 рублей, на которые стал издаваться журнал «Народное благо». Издание успеха не имело, и в течение какого-нибудь одного года Ермилов израсходовал эти 10 000 рублей²⁸. Попроси он

²⁵ См.: *Ермилов В.* В борьбе с рутинной. М., 1898. С. 25.

²⁶ Пародийная строка, бесосновательно приписываемая молвой переводу «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, выполненному С.Е. Раичем (или А.Ф. Мерзляковым; вар.: «Вскипел Бульон и в стан потек»).

²⁷ Последовательно перечисляются знаменитые исполнители рассказов из народного быта: Вейнберг Павел Исаевич (1806–1904) — прозаик и драматург; Мальский Николай Петрович (наст. фам. Нечаев; 1874–1908) — актер; Сладкопепцев Владимир Владимирович (1876–1957) — актер, чтец, театральный педагог; Лебедев Владимир Федорович (1871–1952) — актер.

²⁸ Об этом же вспоминает Н.Д. Телешов: «Издавал недолго Ермилов малоудачный еженедельный журнал, стараясь придать ему демократический оттенок. Назывался этот журнал “Народное благо”, но в писательской среде, по шуточному определению Гольцева, слыл под названием “Ермишина блажь” — журнал “не-дельный”» (*Телешов Н.* Записки писателя. М., 1966. С. 18). В действительности журнал «Народное благо» издавался в Москве с 1898 по 1905 г. (с разной периодичностью); Ермилов имел отношение к его изданию в 1902–1903 гг. Сходную версию финансовых взаимоотношений Ермилова и Морозо-

у Варвары Алексеевны еще денег, она несомненно не отказала бы ему, но Ермилов был совестлив. Будучи почти всю жизнь холостяком, Владимир Евграфович уже в пожилых годах неожиданно для всех женился на немке, бонне детей своего приятеля, маленького беллетриста, Ломакина²⁹.

Николай Павлович Ломакин тоже был любопытный тип. Он оставил книгу рассказов, отмеченных признаками большой наблюдательности и несомненного беллетристического дарования. Некогда богатый купец, старообрядец, он жил в Таганке, в собственном доме. Писать начал поздно, уже в зрелом возрасте и поэтому не успел развернуть своего дарования. Впоследствии он впал в долги, разорился и умер от прогрессивного паралича. Характер был у него очень тяжелый. Рассказывали, что Ермилов женился на его бонне, желая спасти ее от тягостных условий службы в доме Ломакиных. Женившись, Ермилов продолжал вести жизнь, весьма мало отличающуюся от холостого существования: селился в номерах, меняя одни меблированные комнаты на другие, Гренаду на Бристоль, Бристоль на Альгамбру³⁰, питался в столовых; писать, как истинная богема, он мог только в кафе, зимой у Филиппова³¹, летом у Грека на Тверском бульваре³². Бывало, займет с утра столик, начнет фельетон, и пока его закончит, посидит за десятком столиков; все посетители кафе — его приятели, с которыми поочередно он обсудит все злобы дня. Таков был этот организатор литературных бесед у Варвары Алексеевны Морозовой, фельетонист и рассказчик, педагог и актер, мечтатель и рекламист, идеалист и «блуждающий заемщик» в одно и то же время. Он умер в 1918 году от истощения, вскорости после закрытия всех беспартийных газет.

Третьим устроителем бесед при мне был Петр Константинович Иванов, автор двух книг: «Студенты в Москве» и «Врагам Леонида Андреева»³³. Им написана еще третья книга, но еще не издана. Это

вой приводит С.П. Мельгунов: *Мельгунов С.П.* Воспоминания и дневники. М., 2003. С. 146.

²⁹ Николай Павлович Ломакин — участник революционного кружка, недочившийся студент Петровской сельскохозяйственной академии, владелец доходного дома в Москве; автор четырех книг рассказов.

³⁰ Популярны московские меблированные комнаты — «Гренада» (Брюсовский, д. 2), «Бристоль» (Тверская, д. 39), «Альгамбра» (Б. Гнездииковский, д. 7).

³¹ Булочная и кафе Д.И. Филиппова (Тверская, д. 10).

³² Открытое лишь в теплое время года кафе на Тверском бульваре, излюбленное место встреч московских писателей. См. о нем: *Лобанов В.М.* Кануны. Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. М., 1968. С. 80–82.

³³ О Петре Константиновиче Иванове (1876–1956) см. словарную справку: *Российское зарубежье во Франции. 1919–2000.* Биографический словарь. М., 2008. Т. 1. С. 610–611.

большой, очень большой роман, охватывающий почти всю нашу эпоху, первую четверть XX века. Роман был начат писанием тотчас же после первой революции 1905 года и писался 15 лет, так что в нем нашли свое отражение все наслоения русской жизни между первой и второй революцией: реакция, война и пр. Лица, слышавшие отрывки из романа в чтении самого автора, отзываются о нем очень благоприятно³⁴. Впоследствии в доме самого П.К. Иванова был свой очень интересный литературный салон, о котором когда-нибудь стоит вспомнить особо.

И, наконец, четвертый устроитель бесед — Евгений Иванович Вишняков — был педагог³⁵.

Переходя к рассказу о самих вечерах, я должен указать, что так же, как и у м-м Жофрен, у Варвары Алексеевны Морозовой бывали вечера двоякого рода: для писателей и деятелей старших поколений и для молодежи. На первых я никогда не присутствовал, а на вторых из старых писателей встречал только П.Д. Боборыкина, который отлично зарисовал Варвару Алексеевну в своем романе «Китай-Город» в лице купчихи новой культурной формации³⁶. И еще видал редактора «Русских ведомостей» Василия Михайловича Соболевского, который был вторым мужем Варвары Алексеевны и отцом двух ее последних детей.

Помню, однажды П.Д. Боборыкин со свойственной ему изысканностью говорил Морозовой: «Вы, Варвара Алексеевна, любите дегустировать людей, выискивать в них интересные черты, так же, как винодел пробует и смакует ценные вина». И, действительно, Боборыкин был прав; если припомнить и пересмотреть хотя бы часть лиц, посещавших салон Морозовой, получится очень интересная галерея людей, раскрывавших на ее вечерах частицу своих дарований.

Мы собирались и заседали в большой столовой Варвары Алексеевны. Комната освещалась двумя громадными столовыми лампами из литого серебра, под оранжевыми абажурами. Во время чтения доклада отлично дисциплинированная прислуга бесшумно, благодаря мягким коврам, разносила чай. После реферата и окончания прений неизменно подавался холодный ужин с вином, не обиль-

³⁴ Этот роман, по всей вероятности, утрачен. В своем кратком этюде о П.К. Иванове В.Н. Муромцева-Бунина упоминает в качестве вышедшей его книгу «Дама в синем», в действительности не существовавшую (*Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М., 1989. С. 264–265*) — может быть, речь идет об этом пропавшем романе?

³⁵ Е.И. Вишняков преподавал историю в реальном училище К.К. Мазинга и женской гимназии М.Г. Брюхоненко; см. также лаконичные упоминания о нем в: *Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание. М., 2002. С. 169.*

³⁶ В.А. Морозова послужила прототипом для героини романа «Китай-Город» Анны Серафимовны Станицыной.

ный, но тонкий. Вина были только столовые, белые и красные и в ограниченном количестве. Крепких вин не бывало, чтобы не разгорячать атмосферы. Все было обдуманно и предусмотрено. Собирались раза два в месяц.

После октябрьского переворота в особняке Варвары Алексеевны расположилась канцелярия одной из красноармейских частей, и писатель Лидин, который занимал в этой канцелярии пост младшего письмоводителя, ломая при подшивке бумаг иголки, сообщает (в № 8 «Новой русской книги»³⁷), что он нашел в печке пачку писем: Глеба Успенского, Льва Толстого, Мечникова, Короленко, — оказалось, что печку растапливали архивом редактора «Русских ведомостей» Соболевского. Комиссар помог собрать остатки писем и передать их, куда следует³⁸.

Если мы постараемся восстановить в памяти сейчас ту умственную атмосферу, в которой пребывало русское общество в конце прошлого и в начале нынешнего века, то нетрудно будет установить три идеологических течения, охватывавших тогда внимание русского юношества; эти три течения были следующие: в социологии и экономике — доктрина марксизма, в философии — учение Ницше, в области искусства — зачатки индивидуалистического направления, известного под именем декадентства и модернизма. Пожалуй, еще одно явление занимало в те годы умы молодежи специально в сфере сценического искусства. Это — Художественный театр, в 1898 году сказавший действительно новое по тому времени эстетическое слово, поднявший знамя художественного коллективизма и нового реализма на сцене. Вспоминая теперь темы бесед у Варвары Алексеевны, я нахожу, что все эти четыре направления мысли и творчества находили яркий отклик в ее салоне.

³⁷ Рассказ Лидина помещен в рубрике «Писатели — о себе» (Новая русская книга. 1922. № 8. С. 38).

³⁸ Ср. также в воспоминаниях М. Осоргина: «В восемнадцатом или девятнадцатом году ко мне однажды в Москве пришел красноармеец, молодой писатель, сейчас очень видный в советской литературе, и принес обгорелые странички, писанные моей рукой. Эти странички, узнав почерк, он успел вытащить из горевшего камина в доме Морозовой на Воздвиженке. В доме этом был размещен какой-то наряд красноармейцев, а так как была зима, то солдаты, не имея дров, топили печи и каминны найденными в шкапах бумагами.

Это было мое письмо к Соболевскому, и печи топили его архивом. Сообразив это, мы попытались принять срочные меры, уведолив наркомпроса А. Луначарского о гибели, грозящей одному из замечательнейших архивов. Время было такое, что я даже не знаю, имело ли наше предупреждение какие-нибудь последствия и спасена ли хоть часть архива Соболевского» (*Осоргин М. Заметки старого книгоеда. Воспоминания. М., 2007. С. 512*). Небольшой архив В.М. Соболевского есть в РГАЛИ (Ф. 452), но восходит ли он к бумагам, спасенным от красноармейской печки, мы не знаем.

Из ряда очень ценных и содержательных рефератов по вопросам философии вспоминается доклад тогда еще студента, а ныне известного историка литературы Вл. Фед. Саводника о Ницше и Максе Штирнере. И сама философия Ницше с его призывом к сверхчеловеку в те годы едва только начинала проникать к нам из Германии. Не было еще хороших, добросовестных переводов; бедный русский читатель вынужден был довольствоваться самым вульгарным изложением афоризмов Заратустры; что же касается ультра-эгоистического учения Штирнера и книги «Единственный и его достояние», то они вовсе еще не были известны русскому обществу. И Вл. Фед. Саводник заговорил об них в России едва ли не впервые. Этой теме было посвящено два вечера.

Помню, в прениях живейшее участие принял приват-доцент Иван Иванович Иванов, автор известных исследований о русской критике и книг о Тургеневе, о Сен-Симоне, о роли театра в истории французской революции³⁹. Варвара Алексеевна очень ценила выступления Иванова, она называла его «Златоустом», и, действительно, в те годы Ив. Ив. Иванов пленял своих собеседников изяществом и благородством своего тихого и скромного, но подлинно литературного красноречия. Молодежь в те годы зачитывалась его критическими и театральными фельетонами в «Русских ведомостях». Ив. Ив. Иванов был приват-доцентом Московского Университета, но вскорости получил назначение в Нежин, в лицей Безбородко, где, оторванный от столичных центров, погрузился в мелочи лицейской жизни, отстал от науки и утратил все очарование своего несомненного таланта.

Между прочим, в Москве сохраняется один любопытный памятник увлечения ницшеанством, столь характерным для той эпохи. Это дом Метрополь, ныне второй дом Советов, выстроенный академиком Шехтелем и украшенный майоликовой мозаикой по рисункам Врубеля. Мало кто знает, что по всему фасаду дома, выходящему на Неглинный проезд и на Театральную площадь к фонтану, тянулся фриз, представляющий собой цитату из Ницше. Всматриваясь как следует в этот фриз, вы могли прочесть выписанную славянской вязью следующую фразу: «Опять старая история; только когда выстроишь себе дом, узнаешь, что научился кое-чему. Фридрих Ницше»⁴⁰. Теперь на месте этого афоризма другая над-

³⁹ Иванов Иван Иванович (1862–1929) — историк литературы и критик.

⁴⁰ Апофегма взята из книги «По ту сторону добра и зла» (см.: *Ницше Ф.* Собр. соч. Т. II. По ту сторону добра и зла. М., [1900]. С. 292; в классическом русском переводе: «Довольно плохо! Опять старая история! Когда выстроишь себе дом, тогда замечаешь, что научился кое-чему, что *должен* был знать прежде, чем начинать постройку. Вечное, жалкое “слишком поздно”! — меланхолия всего *готового!*»); очевидно, использованный для оформления «Метрополя» перевод был выполнен специально для этого монументального случая.

пись. «Только диктатура пролетариата в состоянии освободить человечество от гнета капитала. В.И. Ленин».

Из рефератов на философскую тему вспоминается еще доклад о философской поэзии Вл. Соловьева. Его читал высокого роста черный, с монгольскими скулами, с гортанной речью студент-филолог четвертого курса. Когда я спросил своего соседа по столу, прив[ат-]доц[ента] Викторова, как фамилия докладчика; он ответил: «его зовут Валерий Брюсов⁴¹. Это поэт, автор стихотворения, состоящего из одной лишь строчки: “О, закрой свои бледные ноги”». И я помню дословно, что Викторов сказал дальше: «Отец Брюсова московский купец, чудака, собирающий коллекцию... пробок»⁴². Я думаю, что это именно чудачество отца, перенесенное на интеллектуальную почву сына, породило поэта-декадента. Брюсов читал свой очень интересный доклад в первом же осеннем собрании после смерти Соловьева⁴³. Лица, присутствовавшие при его смерти, передавали свои впечатления от его удивительной кончины. Рассказывали, что он перед смертью молился о судьбе еврейского народа. А в бреду он говорил о французском аэронавте Андре, который в то лето полетел в зростате открывать северный полюс⁴⁴. «Какой там еще северный полюс, — бредил Соловьев, — в мире есть только два полюса, мужской и женский, да и те нужно не открывать, а закрывать». Запомнилось еще, что кто-то высказал

⁴¹ Викторов Давид Викторович (1874–1918) — философ, знакомый и корреспондент Брюсова.

⁴² Дед Брюсова, Кузьма Андреевич Брюсов (1808–1891) владел единственной в Москве 1860–1870-х годов пробочной торговлей; сведения о его коллекции, скорее всего, имеют анекдотический характер.

⁴³ У нас на удивление мало сведений об этом докладе: еще единожды его упоминает тот же Кара-Мурза в другом варианте воспоминаний о салоне Морозовой («Помню, В.Я. Брюсов, тоже еще студент, последнего курса филологического факультета, читал доклад о философии и поэзии Владимира Соловьева». См.: *Кара-Мурза С.* Московская madame Жофрен // Понедельник власти народа. 1918. 11 марта. № 2. С. 4), и почти вскользь о нем говорится в книге К. Мочульского: «В 1901 году московские символисты собирались в салоне просвещенной меценатки В.А. Морозовой. Читались и обсуждались доклады. Студент-филолог Саводник читал о Ницше и Максе Штирнере, Брюсов — о Вл. Соловьеве [...]» (*Мочульский К.* Валерий Брюсов. Париж, 1962. С. 69). Более того, сам Брюсов, фиксируя в дневнике события осени 1900 г., упоминает лишь о своих впечатлениях от доклада о Соловьеве, прочитанного в салоне Морозовой В.Ф. Саводником (см.: *Брюсов В.* Дневники. Автобиографическая проза. Письма. М., 2002. С. 109–110). Возможно, Кара-Мурза смешал воспоминания о докладе Саводника с впечатлением от статьи Брюсова о Соловьеве (Поэзия Владимира Соловьева // Русский архив. 1900. № 8. С. 546–554).

⁴⁴ Шведский (а не французский) естествоиспытатель Саломон Август Андре (1854–1897) предпринял свою роковую экспедицию на север в 1897 году, т.е. за три года до смерти Соловьева.

уверенность в том, что Соловьев всю жизнь оставался целомудренным и умер девственником.

Валерий Брюсов возглавлял собой особую группу посетителей бесед, так называемых «Скорпионовцев». Тогда только что образовалось книгоиздательство «Скорпион», колыбель русского декадентства. Идейным вдохновителем его был Валерий Брюсов, а финансировал его Сергей Александрович Поляков, известный переводчик Гамсуна. Непременным членом этой группы был Юргис Балтрушайтис, поэт и переводчик, а ныне литовский посол в Москве.

Некоторое время к Скорпионовцам примыкал впоследствии отколовшийся от них Модест Александрович Дурнов, очень талантливый человек, обладавший разнообразными дарованиями: поэт, художник и архитектор, человек, как сказано о нем Бальмонтом, «создавший поэму из своей жизни»⁴⁵. Это был один из первых поэтов-декадентов, участник самых ранних сборников «Русские символисты»⁴⁶. Творчеству Модеста Дурнова принадлежит довольно популярная в то время гравюра, продававшаяся во всех эстампных магазинах: «XIX век», на ней изображена Эйфелева башня, у подножия которой стоят все мировые известности прошлого столетия: Бисмарк, Гете, Ницше, Толстой, Гладстон и др. Им написано несколько отличных детских портретов и портрет Собинова. В ту пору Модест Дурнов выстроил для московского антрепренера-увеселителя Шарля Омона новый театр на Садовой-Триумфальной, нынешний театр имени Мейерхольда. Первоначальный проект фасада был совсем не таков, каким он воплотился в действительности. Между прочим, главный вход в театр должен был изображать собой раскрытую пасть чудовища-дракона, поглощающую потоки людей. Однако московский губернатор Голицын не разрешил такого фасада и последний был переделан, вследствие чего лишился всякой примечательности. Тем не менее москвичи долгое время считали этот театр декадентским зданием. М. Дурнов умер в 1928 г.

Скорпионовцы вызывали к себе в обществе большой интерес. Помимо своих встреч в редакции, которая помещалась в уютной квартире в Метрополе, они собирались еженедельно по вторникам в ресторане Большой Московской Гостиницы⁴⁷. Пшибышевский, Номо Sapiens, Фальк и его коньяк⁴⁸, все это было тогда в большой

⁴⁵ Неточная цитата (в оригинале: «художнику, создавшему поэму из своей личности») из дедикации к сборнику К.Д. Бальмонта «Будем как солнце» (М., 1903). М.А. Дурнову Кара-Мурза посвятил отдельный мемуарный очерк, который рассчитываем напечатать в одном из следующих номеров «Литературного факта».

⁴⁶ В «Русских символистах» М. Дурнов (по крайней мере, под своей фамилией или опознаваемым псевдонимом) участия не принимал.

⁴⁷ Воскресенская площадь, д. 1.

⁴⁸ Фальк — охочий до коньяка герой романа С. Пшибышевского «Номо sapiens», изданного «Скорпионом» (М., 1904).

моде и было окружено неким манящим ореолом, и поэтому находились такие любители, которые специально ездили в Большую Московскую Гостиницу смотреть, как выглядят первые русские декаденты. Однажды Скорпионовцы захотели заполучить себе в свой лагерь начинавшего входить в славу Ивана Алексеевича Бунина. Встреча была назначена у Варвары Алексеевны Морозовой. Спервоначально им как будто бы удалось привлечь Бунина. Он дал им книжку своих стихотворений «Листопад», и «Скорпион» ее издал⁴⁹. Но тем дело и ограничилось; дороги их не сошлись. Бунин остался парнасцем, а Скорпионовцы пошли по пути символизма. То же самое произошло и с Чеховым, которого Брюсов и Балтрушайтис звали к себе; он им дал в «Северные Цветы» один рассказ «В пути», очень мало характерный для Чехова; но настоящий союз так и не состоялся⁵⁰.

Балтрушайтис, начавший свою самостоятельную жизнь литовским пастушком в Ковенской губ., был студентом математического факультета и пользовался огромной популярностью в университете⁵¹. Не только студенты, но и профессора отзывались о нем как о гениальном юноше. Он обнаруживал необыкновенные способности к лингвистике и знал все европейские языки. Теперь мы знаем, что он не оправдал возлагаемых на него надежд. Ничего бессмертного он не создал и в истории литературы остается только как хороший переводчик и посредственный поэт. Вместе с Поляковым он перевел драму Ибсена «Когда мы, мертвые, проснемся» и единолично перевел множество произведений Д'Аннунцио, Ибсена, Гамсуна, Гауптмана, Уайльда, Стриндберга и других. Он был неизменным посетителем вечеров Варвары Алексеевны и однажды прочел реферат о трагедиях Д'Аннунцио.

С анализом пьесы Ибсена «Доктор Штокман» выступил экспансивный студент-кавказец, впоследствии профессор, Александр Семенович Яценко⁵². Это был чрезвычайно бодрый и энергичный юноша. Не зная ни одного иностранного языка, он решил остаться при кафедре международного права и добился своего: изучил французский и немецкий языки и стал профессором. И был момент, по-

⁴⁹ Встреча Бунина с В.Я. Брюсовым и С.А. Поляковым, в результате которой была достигнута договоренность об издании и передана рукопись сборника «Листопад», произошла в последних числах августа 1900 г., но о посещении ими салона В.А. Морозовой сведений нет (см.: *Летопись жизни и творчества И.А. Бунина*. Т. 1. 1870–1909. Сост. С.Н. Морозов. М., 2011. С. 362, 363).

⁵⁰ Кара-Мурза ошибается — в альманахе был напечатан рассказ Чехова «Ночью» (Северные цветы на 1901 год. М., 1901. С. 37–41).

⁵¹ Ю.К. Балтрушайтису Кара-Мурза посвятил отдельный очерк (см.: *Литературный факт*. 2017. № 4), выдержанный в значительно более комплиментарном тоне, нежели это скупое упоминание.

⁵² Александр Семенович Яценко (1877–1934) — юрист, философ, издатель, библиограф.

сле смерти профессора Мартенса, члена Гаагского международного трибунала от России⁵³, когда Яценко прочили кандидатом на его место. Во время студенческих беспорядков 1900 г. Яценко также был арестован и сослан вместе с Чулковым в тайгу. По возвращении из ссылки он с восторгом рассказывал о Сибири и говорил, что нужно было насильственное вмешательство рока для того, чтобы получить возможность совершить такое интересное путешествие. Вообще, это был чрезвычайно восторженный юноша. Однажды ночью, выходя от Варвары Алексеевны, мы встретили пожарную команду, мчавшуюся с горящими факелами по Воздвиженке. Яценко, — его звали по-грузински Сандро, — пришел в необыкновенный восторг от этой картины и стал развивать целую теорию о том, что пожарные — это гладиаторы современной Европы. В настоящее время он живет в Берлине; несколько лет он редактировал преемственный журнал «Новая русская книга».

Г.И. Чулков читал доклад о поэзии Брюсова, который и сам присутствовал на вечере. Эта беседа ознаменовалась памятной для всех присутствовавших полемической схваткой между Ив. Ив. Ивановым и Брюсовым⁵⁴. Все были вовлечены в необыкновенно страстный, запальчивый и пламенный словесный турнир старовера Иванова и новатора Брюсова. Последний тогда только что вернулся из-за границы и забросал своего оппонента свежими литературными лозунгами, последними эстетическими формулами, новейшими, неизвестными еще в России, именами писателей, художников и критиков. Иванов тихими, спокойными, но язвительными стрелами, путем ссылок на Пушкина, Баратынского, Языкова и др. старомодных поэтов метко парировал удары молодого вождя новейшей русской поэзии. Не знаю, на чьей стороне было сочувствие большинства аудитории, но Варвара Алексеевна всецело отдавала свои симпатии в этом споре стороннику старых литературных традиций Иванову. Признавая всю привлекательность новых художественных исканий, Варвара Алексеевна, тем не менее, не очень жаловала декадентов и модернистов.

⁵³ Федор Федорович Мартенс (1845–1909) — юрист, историк, дипломат.

⁵⁴ Обстоятельства этого вечера (15 января 1901 г.) подробно описаны Брюсовым в дневнике (*Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 118*; ср. ретроспективные возражения Чулкова: *Чулков Г. Годы странствий. М., 1999. С. 110*). Не смешивает ли Кара-Мурза вечер чулковского доклада с другим, состоявшимся в декабре 1900 г., про который Брюсов писал в дневнике: «Четверг у Морозовой, где я читал о “новом искусстве”. Был там Ив. Ив. Иванов; его избрали председателем, и он напал на меня жестоко. Мне почему-то лень было защищаться (стоит ли с ним спорить, да и устал я в Петербурге). А напрасно, он после везде разглашал, что разбил меня на всех пунктах и что жена моя чуть не плакала с отчаяния...» (*Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма. С. 117*).

Тот же спор возник и при чтении П.К. Ивановым доклада о творчестве Мопассана. Французский новеллист тогда уже впал в безумие, когда Лев Толстой выпустил свой восторженный и, как всегда, несколько неожиданный и парадоксальный отзыв о нем⁵⁵. В это же время появилась книга воспоминаний камердинера Мопассана о своем барине⁵⁶, и находились любители, которые не шутя сопоставляли эти две характеристики, данные лакеем и Толстым. Вечер, посвященный Мопассану, также был одним из любопытных диспутов на тему о натурализме и романтизме в области воспроизведенной любви.

В те годы в Москве жил малоизвестный литературный критик Евгений Жураковский. Им издана книга критических статей о новейших течениях русской литературы. В писаниях своих Жураковский был пресноват, но говорил он недурно. Он принимал постоянное участие в прениях после докладов, а однажды прочел свой реферат о пьесе Ибсена «Когда мы, мертвые, проснемся». Некоторое время он профессорствовал в Московской филармонии по кафедре литературы, а впоследствии как-то незаметно и бесследно исчез из Москвы, и какова его дальнейшая судьба — мне неизвестно⁵⁷.

Очень памятно мне первое выступление юного студента-первокурсника только что окончившего Феодосийскую гимназию, Кириенко, впоследствии известного поэта и литературного критика, Макса Волошина. Это был очень примечательный студент во многих отношениях и человек воистину не от мира сего. Он совершенно не видел окружающей его реальной жизни и витал в сфере грез и фантазий. Увлекался финансовым правом и поэзией. Днем читал Янжула и других финансистов, а ночи напролет просиживал над поэтами и сам писал стихи. Он всей своей фигурой был создан для того, чтобы стать персонажем литературных произведений. И, действительно, он изображен в известной, некогда нашумевшей пьесе Косоротова «Весенний поток» в виде альпиниста, декламирующего стихи о кентавре⁵⁸. И кроме того, весьма прозрачно, со всеми под-

⁵⁵ Имеется в виду предисловие Толстого к сочинениям Г. де Мопассана, впервые напечатанное в 1894 г.; Мопассан к этому времени был уже мертв.

⁵⁶ Речь идет о книге воспоминаний Ф. Тассара (1856?–1949): Tassart F. Souvenirs sur Guy de Maupassant. P., 1911. Ее хронологическое сближение со статьями Толстого явно ошибочно.

⁵⁷ Жураковский Евгений Дмитриевич (1871–1922) — педагог, историк литературы. О нем см.: *Кеда А.А. Жураковский Е.Д. // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь.* М., 1992. Т. 2. С. 292–293.

⁵⁸ Косоротов Александр Иванович (1869–1912) — драматург и театральный критик. Волошин послужил прототипом для персонажа его драмы «Весенний поток» (1904; отд. изд.: СПб., 1905) художника Бориса Николаевича Плахова; ср. его авторскую характеристику: «Красив, свеж, кудряв. На носу золотое пенсне на черной широкой ленте, которое он часто поправляет. Лицо

робностями его обихода он зарисован в романе Алексея Толстого «Хромой барин»⁵⁹. Он был с длинными волосами, толст и мало грациозен. Все, что он ни делал, было немножечко смешно и наивно, но всегда искренно и прямодушно. В Петербурге он не то дрался, не то должен был драться на дуэли с покойным Гумилевым из-за поэтессы с весьма экзотической фамилией — Черубина-де-Габриак. Дуэль, конечно, никаких последствий не имела, окончилась к общему благополучию, за исключением того, что Макс потерял в снегу одну свою калошу. И это было единственное вещественное доказательство, обнаруженное прибывшей на место поединка полицией. У себя на даче близ Феодосии, в местности Коктебель, приобретенной благодаря Волошину довольно широкую в литературных кругах популярность, он устроил писательский уголок, где почти постоянно летом жила Григорий Петров, Поликсена Соловьева, Ходасевич, Алексей Толстой и др. Здесь Волошин создал себе культ солнца, поклонялся огненному светилу, причем ходил в костюме не то Адама, не то Касьяна Голейзовского⁶⁰, украшенный одним лишь лавровым венком.

В те годы венки вообще были одним из существенных атрибутов обихода поэтов. Андрей Белый в своих воспоминаниях о Блоке, касавшихся той же эпохи, пишет: «Мы искали нот гармонии, в воображении возникали прекрасные формы общения: все мы сидим за столом; мы — в венках; посредине плодов — чаша, крест; мы любим, мы вникаем безмолвию»⁶¹.

Волошин сумел увлечь природой своей местности художника Богаевского, который в своих так называемых киммерийских пейзажах всячески эксплуатирует коктебельский ландшафт. Некоторая склонность к эксцентричности и чудачеству, очевидно, была наследственной в поэте, ибо его мать, милейшая и умнейшая Елена Оттобальдовна, ходила в мужском костюме и встречные крестьяне

открытое, смелое. Движения нервные, быстрые; походка чуть-чуть подпрыгивающая, упругая, будто он весь на пружинах. На нем широкий костюм парижской богемы: куртка темно-оливкового бархата, с отложным воротником, очень поношенная; широкие панталоны такой же материи, сходящие книзу на нет; сапоги грубые, с заплатами; темно-красный огромный галстук бабочкой» (*Косоротов А.И.* Весенний поток. СПб., 1905. С. 12–13). Стихотворение Волошина «Письмо» («Я соблюдаю обещанье...»), где упоминаются кентавры, цитируется и обсуждается на с. 20–22 той же пьесы.

⁵⁹ Кара-Мурза путает два произведения А.Н. Толстого: Волошин запечатлен не в «Хромом барине», а в «Егоре Абовове», где он выведен под именем Ивана Поливанского.

⁶⁰ Касьян Ярославич Голейзовский (1892–1970) — танцовщик и балетмейстер. Здесь подразумевается его стремление к исключительной лаконичности актерских костюмов.

⁶¹ Не вполне точная цитата; см.: *Белый А.* Собр. соч. М., 1995. [Т. 4]. С. 48.

не раз ее с недоумением спрашивали: кто ты — баба или мужик? И так, этот самый Волошин, столь много начудивший впоследствии, но тогда еще никому неизвестный, выступил с рефератом о «Потонувшем колоколе», причем крайне страстно и беспощадно обрушился на дефекты перевода Бальмонта, с которым впоследствии вступил в нежнейшую дружбу⁶². Волошин установил, что в переводе Бальмонта больше отсебятины, чем подлинного немецкого текста и при этом привел ряд примеров в сопоставлении с гауптмановским контекстом, производящих уничтожающее впечатление. Между прочим, Волошин был прекрасным хиромантом. Бывало, он все держит в своих руках чью-нибудь ладонь и по ее линиям, морщинам, складкам и бугорочкам определяет характер и предугадывает судьбу. Учение знаменитого хироманта 17-го века Преториуса⁶³ он изучил в совершенстве. Он был недурным рисовальщиком; его рисунки, печатаемые в «Весах», несколько напоминали манеру Валлотона⁶⁴. Вообще он знал много занимательных и экзотических вещей. В эпоху реакции, эротики и порнографии, которая, как вы помните, последовала после первой революции 1905 года, он читал в одном большом обществе доклад о чуть ли не 77 способах сплетений любви⁶⁵. Вскорости он женился на художнице Сабашниковой и переехал в Париж. В этот вечер, в день своего доклада, Волошин явился к Варваре Алексеевне со своим другом, тоже студентом-первокурсником, тоже поэтом Свободным, который был содокладчиком Волошина и в прениях горячо отстаивал все положения своего друга. На этой фигуре тоже стоит остановиться несколько поподробнее⁶⁶.

Про Свободина почему-то говорили: это брат «Русской мысли». Я долго не понимал значения этого прозвища, пока не узнал его происхождения, имевшего, как оказалось, целую историю. Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах у богатого елецкого купца, миллионера-хлеботорговца Лаврова⁶⁷ завязалось знакомство,

⁶² Это выступление состоялось весной 1900 г., см.: *Купченко В.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002. С. 72.

⁶³ Иоанн Преториус (Johannes Praetorius; 1630–1680) — автор классического сочинения «*Ludicrum chiromanticum*» (Jenae, 1661).

⁶⁴ Волошин был одним из присяжных иллюстраторов «Весов» в первый год издания журнала; его рисунки были помещены в №№ 1, 2, 3, 8 и 9 за 1904 год.

⁶⁵ Речь идет о лекции Волошина «Пути Эроса», прочитанной в Литературно-художественном кружке 27 февраля 1907 г. и имевшей скандальный успех.

⁶⁶ Другой вариант воспоминаний о М.П. Свободине см.: Литературный факт. 2017. № 4. С. 83–84; там же комментируется ряд обстоятельств, упоминаемых далее.

⁶⁷ Вукол Михайлович Лавров (1852–1912) — журналист, издатель.

а потом и крепкая русская дружба с веселым провинциальным актером, впоследствии превосходным артистом Александринского театра Павлом Матвеевичем Свободиным. Вероятно, где-нибудь в Курске или в Тамбове, после спектакля за клубным ужином. Дружба Лаврова со Свободиным росла и крепла и ничуть не ослабла даже после того, как Лавров переехал из Ельца в Москву, а Свободин прочно обосновался в Петербурге. В 1879 году в жизни обоих друзей произошло два события: Лавров стал издавать «Русскую мысль», а у Свободина и его жены, петербургской балерины Ольги Михайловны Струковой⁶⁸, родился сын. И так как оба этих радостных события произошли почти одновременно, то счастливые родители и порешили, чтобы новорожденный Мишель Свободин считался братом новоявленного в свет лавровского журнала. Вот откуда и пошло название «брат Русской мысли». М. Свободин широко пользовался этим своим званием и занимал в редакции привилегированное положение. В качестве брата журнала он, еще будучи учеником седьмой Московской гимназии, что у Страстного, напечатал в «Русской мысли» отличный очерк о здании этой гимназии⁶⁹, прекрасном, старинном особняке, в котором по преданию происходили события, составляющие действие «Горя от ума», а сейчас помещается КУТВА⁷⁰. Помню, особенно картинно был описан Свободиным вестибюль и лестница гимназии, из-за которой в комедии Грибоедова показывается Чацкий при появлении Репетилова. Поступивши в университет, Свободин сделался постоянным сотрудником «Русской мысли»: писал очень тонкие библиографические заметки, обличающие в юном рецензенте благородный литературный вкус и здоровое критическое чутье; там же он печатал свои прекрасные лирические стихотворения, столь ценимые Гольцевым, Лавровым, Чеховым, Потапенкой и впоследствии так полюбившиеся Горькому⁷¹. Свободин был необыкновенно одаренным юношей, с проблес-

⁶⁸ Ольга Михайловна Струкова (?–1908) — актриса, вторая жена П.М. Свободина, эпизодическая гостя биографии Волошина, знакомая его матери, содержательница меблированных комнат.

⁶⁹ Об этом же очерке почти в тех же выражениях вспоминает студенческий приятель Свободина Ф.К. Арнольд в мемуарах, напечатанных лишь в новейшее время (*Арнольд Ф. Свое и чужое // Воспоминания о Максимилиане Волошине*. М., 1990. С. 83–84). Имеется в виду статья «Грибоедовский музей в Москве», подписанная инициалами «М.С.» (Русская мысль. 1900. № 11. Отд. II. С. 225–231).

⁷⁰ Особняк на Страстной площади, разрушенный в 1970-е годы. КУТВА — Коммунистический Университет трудящихся Востока.

⁷¹ Свободин напечатал в «Русской мысли» всего три стихотворения: «На смерть А.П. Чехова» (1904. № 7. Отд. I. С. 192), «Голубые колокольчики звенят...» (1904. № 8. Отд. I. С. 74), «Осенние песни» (1904. № 12. Отд. I. С. 172). Отношение Горького документировано: в его архиве сохранилась рукопись

ками крупного поэтического таланта. «Вундеркинд» — называла его покойная Мария Гавриловна Савина, которой поэт посвятил свой очаровательный перевод в стихах «Покрывала Беатриче» Шницлера⁷². Кроме этой пьесы Свободиным переведен еще «Зеленый Попугай» Шницлера, изданный «Скорпионом»⁷³; нежно привязался к поэту в последние годы его жизни и Ф.И. Шалапин. Окончив университет, Свободин вступил в сословие адвокатов, приписавшись в качестве помощника к присяжному поверенному... В.А. Гольцеву, редактору «Русской мысли»⁷⁴. Два юридических «нонсенса», говорили об этой паре адвокатов; патрон и помощник, никогда не пледирующие⁷⁵ в судах. Трагический отблеск пал на судьбу обоих Свободиныных: отец, артист, как известно, скоропостижно умер во время спектакля на сцене Александринского театра, играя в «Шутниках» Островского. Плохо кончил и бедный романтик Мишель: он застрелился в ноябре 1906 года в Москве, в безнадежных поисках взаимности, на пороге квартиры известной оперной певицы З.В. Петровской⁷⁶. Значительный свет на самоубийство М. Свободина бросает одно его стихотворение, написанное за две недели до смерти и поднимающее завесу над его внутренней жизнью.

Меня предчувствие тревожит
 Мне жутко, холодно, темно...
 И боль мою унять не может
 Ни смех, ни песни, ни вино!
 Как молний гибельное пламя
 Мне очи грозный блеск слепит!
 Идет тяжелыми шагами
 Все ближе, ближе — смерть спешит!
 Иди, последнее страданье,
 Привет последнему врагу!
 Спеш! быть может, не смогу
 Я вынести муку ожиданья,
 Быть может, я на дальний зов
 Молчаньем кротким не отвечу,
 И сам пойду к тебе навстречу
 Под звон разорванных оков...

стихотворного сборника Свободина «Песни солнышку», испещренная приятными маргиналиями (см.: *Горький М.* Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. М., 1999. Т. 5. С. 359).

⁷² В печатном издании перевода это посвящение снято (*Шницлер А.* Полн. собр. соч. М., 1904. Т. III. С. 129–328).

⁷³ См. об этом: Литературный факт. 2017. № 4. С. 84.

⁷⁴ Гольцев Виктор Александрович (1850–1906).

⁷⁵ От фр. *plaider* — выступать в суде публично.

⁷⁶ См.: Литературный факт. 2017. № 4. С. 84.

Какой-то рок преследовал Свободина и после его трагической безвременной смерти. Вскоре после его самоубийства друзья поэта, к которым принадлежал и я, решили собрать все его произведения и лучшие из них издать отдельной книгой, которая, несомненно, явилась бы отличным сборником стихотворений, проникнутых нежнейшим чувством самого чистого, интимного лиризма. Но когда комиссия из нескольких лиц, избранная для этой цели, приступила к собиранию рукописей, оставшихся после умершего, оказалось, что все литературное наследие поэта куда-то исчезло. Свободин, взыскательный к чужим стихам, был особенно строг к своим собственным произведениям и отдавал в печать очень немногое из того, что творил. Друзья предполагали найти большое количество рукописей, так как знали, что покойный писал очень много, но, к сожалению, ничего не нашли. Путем долгих поисков и расспросов удалось установить лишь то обстоятельство, что незадолго до своей смерти Свободин вручил весь свой литературный архив московскому композитору, Юрию Сергеевичу Сахновскому, который по просьбе Максима Горького, большого поклонника поэзии Свободина, отвез рукописи к нему на остров Капри⁷⁷. Попытки друзей поэта путем переписки с Горьким получить стихи обратно в Москву ни к чему не привели, и какова их дальнейшая судьба, никому из нас неизвестно. А между тем, после поэта остался сын⁷⁸, который, несомненно, и морально, и материально заинтересован в том, чтобы произведения его отца были изданы и его литературное имя, вполне заслуживающее того, чтобы память о нем сохранилась в потомстве, — не было забыто.

Смерть Свободина вызывает воспоминание еще об одном самоубийстве: тоже постоянного гостя салона Варвары Алексеевны — Выставкина. Это был молодой московский присяжный поверенный⁷⁹. Он читал доклад о «Воскресенье» Толстого, причем взглянул на произведение с точки зрения юридической или, вернее, судебной. В прениях по этому докладу принимали участие многие видные московские адвокаты: Сахаров, Маклаков⁸⁰ и др. Несколько лет тому назад, поздней осенью, Выставкин неожиданно исчез из дому и больше не явился. Труп его нашли под Москвой, в Краскове, в реке Пехорке. Судя по остановившимся в воде часам, следст-

⁷⁷ Юрий Сергеевич Сахновский (1866–1930) — композитор, музыкальный критик, был у Горького на Капри в 1907 г. (см.: Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. С. 300).

⁷⁸ Сведений о сыне М.П. Свободина у нас нет.

⁷⁹ Василий Васильевич Выставкин, автор брошюр «К вопросу о правах города на земли, находящиеся в его черте» (М., 1912) и «Закон 23 июня 1912 года о праве застройки» (М., 1913; совм. с М. Минниным).

⁸⁰ Иван Николаевич Сахаров (1860–1918); Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957).

вие установило, что он утопился ровно в 12 часов, вероятно, ночью. Что побудило его покончить с собой, осталось неразгаданным. Жена Выставкина, Екатерина Владимировна, очень талантливая ораторша, принимала в Москве деятельное участие почти во всех литературных диспутах. Она пишет под псевдонимом Бровцына и выпустила в свет роман «Амазонка», первоначально напечатанный в «Русском богатстве»⁸¹.

Чтобы покончить с докладами на литературные темы, я должен сказать, что пишущий эти строки также прочел два реферата: один о чеховской «Чайке», другой о всей драматургии Чехова.

Особую группу гостей В.А. представляли финансисты и экономисты: проф. Озеров⁸² и его ученики, которые назывались «озерианцами». Среди заметных «озерианцев» помню студентов Фридмана и Кобылинского. Сам Озеров заслуживал бы того, чтобы на его фигуре остановиться подольше. Но еще не пришло время дать полную оценку его жизни и деятельности. Во всяком случае, этот сын стрелочника, Иван Христофорович Озеров, ставший доктором финансового права и членом Государственного Совета, когда-нибудь будет привлекать к себе пристальное внимание, и немало страниц будущих московских мемуаристов будут ему посвящены. За последние годы перед войной [он] заседал в десятках торгово-промышленных предприятий. Кажется, не было в Петербурге такого банка, акционерного общества или паевого товарищества, где Иван Христофорович не числился бы членом правления или совета. Разносторонность его амплуа была поразительна. Он был не только ученый, профессор, финансовый и государственный деятель, фельетонист «Русского слова», но и поэт. Под псевдонимом Ихоров, он издал книгу своих стихотворений в прозе⁸³. Он был большим поклонником поэзии Бодлера и любил декламировать его знаменитое стихотворение «Опьяняйтесь». Сейчас он работает в Наркомфине в качестве консультанта.

Его ближайшим учеником был Михаил Исидорович Фридман, очаровательный юноша, чистый, мечтательный, пронизанный идеализмом. Впоследствии он стал профессором финансового права в Петербургском политехникуме, писал в газете «Речь» за подписью «Скептик». В революцию 17-го года он был товарищем министра

⁸¹ Выставкина (урожд. Бровцына; по второму мужу Галлоп) Екатерина Владимировна (1877–1957) — прозаик, переводчица. Роман «Амазонка» первоначально печатался в «Русском богатстве» (по цензурным причинам некоторое время именовавшемся «Русскими записками»; 1916. №№ 4–9); первое отд. изд. — М., 1917; 2-е — Берлин, 1923.

⁸² Иван Христофорович Озеров (1869–1942).

⁸³ Под псевдонимом «З. Ихоров» Озеров выпустил книги «Исповедь человека на рубеже XX века» (М., 1904), «Записки самоубийцы» (М., 1911) и «Песни бездомного» (М., 1912); имеется в виду последняя из них.

финансов в кабинете Керенского. Он умер в Москве в 1921 году от базедовой болезни⁸⁴.

Другим верным учеником Озерова был П.П. Гензель, недавно занимавший крупный пост в Наркомфине, а ныне прославившийся своими антисоветскими выступлениями в Англии⁸⁵.

Более кривую параболу карьеры сделал третий ближайший ученик Озерова, убежденный «озерианец», Лев Львович Кобылинский, впоследствии известный в литературе под именем Эллис. Он писал стихи, публицистические статьи, переводил французских и бельгийских поэтов; в своих писаниях он был мало оригинален и ничем не примечателен, но как личность, совершившая чрезвычайно интересную эволюцию духа, он необыкновенно богат внутренним содержанием и запомнится историей русской культуры, быть может, как Печерин 20-го века. В своих воспоминаниях о Блоке Андрей Белый говорит об Эллисе следующее: «под несносной, назойливой личиной Эллиса таилась душа глубочайшей загадочности и оригинальности: оригинален хотя бы тот путь, который он прошел с 1898 года, от учения марксизма через антропософию к католицизму самого иезуитского пошиба»⁸⁶. В девятисотом году Эллис был марксистом, и под влиянием Озерова писал диссертацию о Канкрине⁸⁷. В 1904 году — символист, поклонник Бодлера и Данте, в 1907 году фанатический ученик, апологет и оруженосец Брюсова, в 1912 году — штейнерианец, собственными руками воздвигающий в Швейцарии, близ Дорнаха, храм, посвященный религии Рудольфа Штейнера и, наконец, в настоящее время почитатель Игнатия Лойолы, пишущий своим друзьям послания, в которых слова «святой костер инквизиции» склоняются во всех падежах. Ныне Эллис принял католичество и стал монахом иезуитского ордена⁸⁸. Эллис был

⁸⁴ Михаил Исидорович Фридман (1875–1921) был, как и Кара-Мурза, сотрудником газеты «Курьер».

⁸⁵ Павел Петрович Гензель (1878–1949) — в 1927 г., будучи профессором Института народного хозяйства им. Г.В. Плеханова, выехал в командировку за границу и в СССР не вернулся.

⁸⁶ Вольная цитата из ранней редакции воспоминаний Белого, см.: *Белый А.* Воспоминания об Александре Александровиче Блоке // *Записки мечтателей.* 1922. № 6. С. 63. Следующие фразы Кара-Мурзы также представляют собой пересказ этого источника.

⁸⁷ Следов диссертации Эллиса о министре финансов Егоре Федоровиче Канкрине (1774–1845) обнаружить не удалось, хотя она почти наверняка существовала (см., напр.: *Валентинов Н.* Два года с символистами. М., 2000. С. 242).

⁸⁸ Этот получивший широкое распространение слух опровергался самим Эллисом: «Я знаю, что по моему адресу циркулируют разные необоснованные слухи. Я лично бессилен противодействовать им. Я знаю, что в некоторых кругах существует убеждение, что я замаскированный штейнерист, в кругах теософов я рассматриваюсь, как тайный сочлен ордена иезуитов *et cetera*. Конеч-

человек совершенно неистовый, человек крайностей, почти полярностей. Он сжигал все, чему поклонялся, поклонялся всему, что сжигал. Одно время он был крайне враждебно настроен к Брюсову, бранил его на всех перекрестках. А затем как-то мгновенно стал его фанатическим приверженцем, учеником, агитатором и пропагандистом его поэзии. Для многих это было совершенно непонятно. Андрей Белый высказывает предположение, что Брюсов загипнотизировал его, так как Брюсов занимался гипнотизмом и будто бы прибегал к его средствам для достижения некоторых эффектов. Но, по моему, Эллис сам, без всякого внушения совершил эту очередную эволюцию. Как будто бы без всякой внутренней необходимости и логической убедительности он выхватывал какого-нибудь поэта и начинал его пропагандировать. Так было с Бодлером, с Данте. Благо еще это были первоклассные имена. А то вдруг начнет поклоняться какому-нибудь Роденбаху или Стекетти⁸⁹, болонскому поэту, родоначальнику так называемого итальянского «веризма», то есть попросту реализма. В эту пору он часто посещал меня, и я имел возможность оценить как многогранность его ума, так и его душевную неуравновешенность. Бывало, мы сидим, беседуем, а он вдруг сядет верхом на стуле, начнет скакать по комнате и говорит, что это фессалийский конь Буцефал. Таков был этот незаурядный финансист и поэт, ныне монах-иезуит.

Таковы были московские «озеряницы» девятисотых годов. Они приезжали к В.А. всегда вместе и держались особняком. Я не помню, чтобы кто-нибудь из них выступал с рефератом, но они принимали живейшее участие в прениях по докладам и обсуждали за ужином злобы дня: финансовую политику правительства, подготовляемую министерством Витте девальвацию рубля, успехи легального марксизма, речи Струве, статьи Туган-Барановского и пр.

Мне остается сказать несколько слов об отношении Морозовского кружка к Художественному театру. Все мы в эти годы были немножечко отравлены и околдованы этим театром, и ничего другого в театре не хотели смотреть. Каждая новая постановка Станиславского и Немировича становилась предметом самого разностороннего обсуждения на вечерах Варвары Алексеевны. На этих ве-

но, все это сущий вздор, ибо с оккультизмом я безусловно порвал “во всяких планах” еще в 1912 году, в католичество я не переходил, ни в какие монашеские ордена не вступал, особенно же в орден иезуитов [...]». — Письмо к Н.А. Бердяеву от 17 июня 1939 г. — Цит. по: *Нечаев В.П.* В поисках прошлого // *In memoriam.* Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 47.

⁸⁹ Эллис действительно переводил поэта Лоренца Стекетти (наст. имя: Олиндо Гуэррини; 1845–1916); семь его стихотворений включены в книгу: *Эллис.* Импортели. Вып. 2. М., 1904.

черах всегда присутствовали артисты Художественного театра М.Ф. Андреева, О.Л. Книппер, Роксанова, Мейерхольд и др. Иногда после ужина устраивались импровизированные чтения, — музыки никогда не бывало. Мейерхольд декламировал, Ермилов рассказывал сценки, Брюсов читал стихи, Саводник шуточные пародии и т.д. Варв. Алекс. с живейшим интересом слушала все доклады, прения, декламации, вставляла ряд весьма интересных и существенных замечаний в отдельные реплики спорящих.

Жажда яркого, красивого и свободного слова была в В.А. Морозовой неугасима. Стремление к вольному мышлению, к исканию новых общественных отношений и неистребимая любовь к литературе и просвещению сопутствовали трудам и дням В.А. в течение всей ее долгой жизни.

Леонид Андреев⁹⁰

Ровно через год минет 25 лет со дня смерти Л.Н. Андреева.

И в критической литературе и среди читателей давно установилось мнение, ставшее уже трюизмом: что в писателе Л. Андрееве мирно уживались два разных автора, с совершенно отличными друг от друга мироощущениями, и творческими устремлениями, не имеющими между собой ничего общего. Один — художник-реалист, автор таких произведений как «Жили-были», «Большой шлем», «Дни нашей жизни», «Гаудеамус», «Екатерина Ивановна», «Профессор Сторицын» и пр., другой — демонический писатель, мистик и фантаст, создавший «Анатэму», «Жизнь человека», «Черные маски», «Призраки», «Красный смех», «Царь Голод», «Савва», «Тот кто получает пощечины» и др.

Объяснить, как под одним обликом писателя успешно сосуществовали эти две полярно-противоположные личины автора — дело критиков и литературоведов. Моя задача — мемуариста: обрисовать жизненное лицо писателя, определить характер взаимоотношений его с окружающими людьми, понять его моральный и интеллектуальный мир.

Мне кажется, что в Л. Андрееве таилось не два облика, а десятки личин. Каждая житейская конъюнктура вызывала в нем особый облик, всякая новая бытовая ситуация меняла его психологию и диктовала новый, соответствующий моменту жест. При разных слу-

⁹⁰ Печатается по авторской рукописи: РГБ. Ф. 561. Карт. 2. Ед. хр. 2. Текст сопровождается примечанием: «Читано в заседании Мемуарной Секции Союза Советских Писателей в Москве. 27 августа 1943 г. В прениях приняли участие: С.С. Анисимов, Г.Г. Рязжский, П.П. Лучинин, [В.Е.?] Беклемишева, [Н.Я.] Серпинская, П.Д. Эттингер».

чаях и иных обстоятельствах он был всегда разный и иной. Казалось, что он всегда играл; все окружающее, все большие и малые факты жизни, все значительные и маловажные события были для него «театром для себя»⁹¹, в котором он был и зрителем и актером одновременно. И все эти многообразные личины, порожденные в едином лице писателя, объединялись одной счастливой, в высокой мере присущей Л. Андрееву чертой — способностью к широким творческим перевоплощениям.

Он и писал таким образом: в каждом отдельном произведении всякий раз по-иному творчески перевоплощаясь, так же, как перевоплощается на сцене гениальный актер. В «Василии Фивейском» он воплощался в верующего, в «Савве» перевоплощался в анархиста, в «Красном смехе» — в протестанта-пацифиста, в «Жизни человека» — в философа-пессимиста, в «Проклятии зверя» — в подверженного городским кошмарам урбаниста, в «Докторе Керженцове» — в мыслителя, в «Сашке Жегулеве» — террориста, в «Днях нашей жизни» — рыцаря и т.д. Как визионер, Андреев строил себе иллюзии, и в процессе творчества ставил себя на место своего героя, усваивая себе его стиль, модус его жизни, его психологию.

Поэтому-то такими многообразными эпитетами награждали Андреева высказывающиеся о нем, вырывая из общего круга его сочинений одно какое-нибудь произведение. «Рыдающее отчаяние», — сказал о нем А. Блок⁹²; «Эмиссар смерти и гробокопатель; самый могильный могильщик», — писал А.В. Луначарский⁹³. А дальше следуют: «Бесприютный и одинокий всегда и во всем, Андреев без корней, как ковыль-трава носится в безбрежности»⁹⁴ или: «Человек в чумном плаще, с чумным крюком среди кавалеров и дам ордена чумы»⁹⁵; «Андреев хочет нахлобучить черный абажур на самое солнце жизни»⁹⁶, «Странная игра природы»⁹⁷ и т.д.

⁹¹ Термин Н.Н. Евреинова, объясняемый им в одноименном исследовании (Вып. 1–3. Пг., 1915–1917).

⁹² Имеется в виду статья А.А. Блока «О реалистах» (*Блок А.А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2010. Т. 7. Проза. (1903–1907). С. 48*), где автор цитирует содержащую эту формулировку рецензию А. Белого на первую книгу альманаха «Шиповник» (Перевал. 1907. № 5. С. 61). Позже эта же цитата использована в воспоминаниях Блока об Андрееве (Книга о Леониде Андрееве. Берлин; Пб.; М., 1922. С. 101).

⁹³ Из статьи А.В. Луначарского «Тьма» (Литературный распад. [Кн. 1]. СПб., 1908. С. 154).

⁹⁴ Из рецензии Н.И. Петровской на «Книгу о Леониде Андрееве» (*Петровская Н. Разбитое зеркало / Сост. М.В. Михайловой. М., 2014. С. 627*).

⁹⁵ Из указанной статьи Луначарского (Литературный распад. [Кн. 1]. СПб., 1908. С. 156).

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Источник цитаты не установлен.

Все эти определения, в той или другой мере верные, более или менее красивые, никак не охватывают всего творчества Андреева, характеризуя только одну какую-нибудь сторону его личности. Немало, конечно, было и положительных эпитетов. Напр.: «Ключ, забивший из недр русской жизни» или «Кусок золота с конскую голову, несуразный по величине, упавший на землю словно аэролит»⁹⁸ и т.д. Если бы нужно было собрать все эпитеты и определения, данные Л. Андрееву за время его короткой 20-летней литературной деятельности, понадобился бы целый том литературной энциклопедии.

Вся атмосфера вокруг Л. Андреева была насыщена драматизмом, полным попыток самоубийства и покушений на убийство. Однако этот драматизм никогда не разрешался трагически: ни разу не завершившись катастрофой, он или рассеивался, как тают и исчезают, не разразившись ливнем, черные тучи бури, или разрешался более или менее благополучно, в мирном бытовом плане.

Это были, так сказать, «драмы без катарсиса». В жизни Л. Андреева были три попытки самоубийства, но ни одна из них не имела смертного исхода. Трижды было покушение на его жизнь, и всякий раз без трагического конца. Таким образом, шесть раз, когда жизнь писателя висела на волоске, судьба хранила его и, помимо его воли, превращала подлинную драму в театр для себя.

Шел 1899 год; год столетия со дня рождения Пушкина. Написав выпускное сочинение на пушкинскую тему, я получил аттестат зрелости и, окончив курс одной из московских гимназий, поступил на юридический факультет Московского Университета. В университете я познакомился и быстро сошелся с одним студентом по фамилии Чулков, который впоследствии приобрел довольно большую известность как Георгий Иванович Чулков, поэт, беллетрист и литературовед, автор ценных биографических и критических исследований о Тютчеве.

Как известно, темной страницей литературной деятельности этого прекрасного милого человека и одаренного писателя явилось создание некоего межеумочного, религиозно-философского течения под названием «мистический анархизм» и издательства, во всех отношениях неудачного органа этого учения, — альманахов «Факель», от которых сам же Георгий Иванович впоследствии отрекся.

Но в тот период, когда я с ним дружил, он был очень далек и от мистики и от анархизма. Это был совершенно реалистически настроенный студент-позитивист, сначала медик, затем юрист, вскоре административно высланный из Москвы за участие в студенческих волнениях в якутскую тайгу.

⁹⁸ Источники обеих цитат неизвестны.

Нас сближали с Чулковым общие литературные интересы и газетная работа. Он писал небольшие фельетоны, очерки и рассказы в газете «Курьер», я сотрудничал в газете «Новости дня», в которой давал отчеты о судебных процессах и заседаниях научных обществ. «Новости дня» были бойкой городской злободневной газетой довольно легкомысленного типа, а «Курьер» считался серьезным органом либеральной прессы. Среди его сотрудников была довольно крепко сплоченная группа марксистской молодежи, которая всеми силами боролась с бульварным газетным тоном и старалась равняться по лучшей газете тех лет — «Русским ведомостям». Благодаря этому, газета стала иметь несомненный успех у левой интеллигенции и особенно среди студенчества.

Из сотрудников «Курьера» ныне здравствуют наш нарком по просвещению Вл. Петр. Потемкин, Алекс. Сераф. Серафимович, Викентий Викентьев. Вересаев, Ник. Дм. Телешов, Татьяна Львовна Щепкина-Куперник, тогда, 45 лет назад, бывшие совсем еще молодыми людьми. Сам я ни в какой мере не был патриотом своей газеты: я сотрудничал в «Новостях дня» и каждое утро с жадностью набрасывался на «Русские ведомости» и на «Курьер».

«Новости дня» издавал Абрам Яковлевич Липскеров, отец нашего сочлена⁹⁹, талантливого поэта и драматурга Константина Абрамовича Липскерова. Он происходил из литературных пролетариев, некогда был репортером и одним из первых в России стенографистов. Но каким-то образом ему удалось получить разрешение на издание городской ежедневной газеты, в которой он обрел золотую жилу и быстро разбогател: приобрел роскошный особняк на Садовой, дачу в Петровском парке, завел собственный выезд, занял скаковую конюшню и т.д. Он был необычайно хлебосолен: в дни приемов и званых вечеров к нему можно было прийти, поужинать, выпить и уйти незамеченным, не будучи знакомым с хозяином дома, не знавшим даже: кто у него в гостях. В конце концов такой образ жизни привел издателя газеты к полному разорению, и в то время как крепкий кряжистый делец Ив. Дм. Сытин, издатель «Русского слова», стал миллионером, Абр. Як. Липскеров впал в нищету. Сейчас бывший его особняк у Красных ворот рядом с небоскребами НКПС, Наркомзема и Госиздата кажется маленьким шоколадным тортом. Из работников «Новостей дня», кажется, сейчас никого не осталось в живых¹⁰⁰.

В «Новостях дня» судебный отдел вели двое: я давал отчеты о заседаниях мировых судей, а о процессах в Окружном Суде и в Су-

⁹⁹ Здесь и далее мемуарист подразумевает членство в Союзе Советских Писателей, в заседании мемуарной секции которого был прочитан этот текст.

¹⁰⁰ Подробности, касающиеся А.Я. Липскерова, прокомментированы: Литературный факт. 2017. № 4. С. 86.

дебной Палате писал Владимир Александрович Ашкинази, впоследствии приобретший довольно большую популярность, как фельетонист Владимир Азов и в особенности как лучший переводчик рассказов О'Генри¹⁰¹.

Кроме судебных отчетов он вел в «Новостях дня» еще и ежедневный злободневный фельетон под шекспировским псевдонимом «Пэк» из «Сна в летнюю ночь».

В «Русских ведомостях» судебный отдел вел очень солидно и основательно почтенный старец, московский присяжный поверенный Николай Васильевич Юнгфер. В те годы, в эпоху отсутствия живой общественной жизни и крупных политических интересов судебному отделу, как отражающему житейский быт, придавали в газете большое значение.

Больше всего мне нравилось, однако, как ведется судебный отдел в газете «Курьер». Его статьи не были похожи на наши репортерские отчеты и не были хроникальными сообщениями обычного типа. Содержание обвинительного акта передавалось не по протокольному, а в виде рассказа, собранные судебным следствием улики почти не излагались, в то время как в наших отчетах эти материалы занимали главное место. Зато в «Курьере» много внимания уделялось моральной характеристике подсудимого, социальной среде, в которой преступник вращался и, главным образом, психологии совершенного им уголовно наказуемого акта.

Это были не газетные отчеты, а наброски талантливого художника, маленькие литературные шедевры.

Я спросил как-то Чулкова: кто это пишет такие интересные судебные отчеты в «Курьере»? «А это очень одаренный молодой писатель, — ответил Георгий Иванович, — подающий очень большие надежды. Его зовут Леонид Николаевич Андреев. Он уже написал один прекрасный рассказ, замеченный М. Горьким¹⁰², и ведет кроме того в “Курьере” постоянный фельетон под общим заглавием “Мелочи жизни”, в которых живо откликается на мимолетную злобу дня. Эти фельетоны подписывает псевдонимом “Джемс Линч”¹⁰³. Хотите, я вас с ним познакомлю?» — закончил свой ответ Г. Ив. Я, конечно, с радостью согласился, т.к. был очень заинтересован рассказом Чулкова.

¹⁰¹ О Владимире Александровиче Ашкинази (1873–1948) см.: Белодубровский Е.В. Ашкинази Владимир Александрович // Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 133.

¹⁰² Имеется в виду рассказ «Баргамот и Гараська» (Курьер. 1898. № 94. 5 апреля. С. 1).

¹⁰³ Цикл «Мелочи жизни», объединенный подписями «Джон Линч» и «James Lynch», публиковался в «Курьере» с весны 1900 г. (см.: Леонид Николаевич Андреев. Библиография. Вып. 1. Сочинения и письма / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1995. С. 91 и далее).

И вот, в одну из суббот, в день, когда в редакциях выдавали еженедельный гонорар, мобилизовав некоторую сумму денег, мы отправились знакомиться с заинтриговавшим меня загадочным судебным хроникером. Оказалось, что Пэк давно уже знаком с Андреевым по окружному суду, поэтому и он охотно пошел с нами провести вечер. Свидание было назначено в одном из тогдашних интеллигентских клубов, в так называемом «Литературно-Художественном Кружке», помещавшемся на углу Кисловки и Воздвиженки в доме гр. Игнатьева, где сейчас высится здание Центрального Универмага «Военторга».

Когда мы встретились с Андреевым в гостинной Кружка, я прежде всего был очарован его внешностью: передо мной был молодой красавец лет 28, среднего роста, с безупречно правильными чертами и строгим овалом лица, с небольшими усиками и бородкой, с волнистой прядью густых, черных волос и, главное, с меланхолическим взглядом глубоких темных глаз.

Волосы его красиво ниспадали на виски, и он то и дело характерным движением откидывал их назад. Что-то цыганское было в его смуглом лице и печальных глазах.

Однако это прекрасное впечатление первой минуты тотчас же сменилось разочарованием, как только я услышал его голос, совершенно не соответствовавший пленительной наружности писателя. Голос у Андреева был глухой, какой-то матовый, тусклый, казалось идущий из навсегда простуженного, кашляющего горла. Таким голосом оставался у него всю жизнь.

По уставу клубов студенты доступа туда не имели, поэтому нам с Чулковым нельзя было проникнуть в Кружок в студенческих тужурках и нам пришлось занять у знакомых штатские костюмы и перерядиться. После нескольких приветственных слов знакомства Андреев повел нас в одну из отдаленных комнат столовой — в которой стоял странный полумрак.

Комната была художественно оформлена в виде Гетевского погребка Ауэрбаха¹⁰⁴; посередине комнаты стояла колоссальная бочка пива, на которой были нарисованы ведьмы с вилами. В столовой среди прочих посетителей мы увидели за отдельным столиком группу художников, с которыми Андреев и Пэк были знакомы, а мы с Чулковым их только впервые узнали; это были Исаак Ильич Левитан, Константин Коровин и Василий Васильевич Переплетчиков. Оказалось, что именно эти три художника расписывали живопись в погребке Ауэрбаха в стиле пролога к Фаусту. Это дало повод Андрееву живо и подробно рассказать нам о Вальпургиевой ночи, о том как в Германии устраиваются пирушки в ночь на 1-ое

¹⁰⁴ «Погреб Ауэрбаха», средневековый лейпцигский ресторан — место действия одной из сцен первой части «Фауста».

мая, под праздник св. Вальпургии, когда по народному поверью на горе Брокене происходят собрания колдунов и ведьм. В этом немецком фольклоре Андреев проявил довольно значительную эрудицию и мы слушали его с большим интересом. А помимо того он был великолепный рассказчик, а затем за ужином оказался еще и замечательным собеседником, благодушным и веселым, необычайно остроумным и находчивым, неистощимым на всякого рода шутки и проказы.

В столовой к нашей компании присоединился наш общий знакомый, популярный московский литератор, милейший Владимир Евграфович Ермилов, отец нашего сочлена Владим. Владим. Ермилова¹⁰⁵. Ужином распорядился Андреев. Меню было строго выдержано в восточном вкусе, выбранном, вероятно, ради меня.

Мне рассказывал Чулков, что когда Андреев впервые услышал мою фамилию, ему мгновенно представилась живописная фигура какого-нибудь абиссинского принца или афганского князька. Какое же было его разочарование, когда он увидел перед собой прозаического армянского юношу в мешковатом пиджаке с чужого плеча.

Перед тем как заказать ужин, Андреев вызвал к себе метрдотеля и что-то таинственно шепнул ему на ухо. Тот одобрительно кивнул головой и удалился. «Вероятно, готовить какой-нибудь неожиданный эффект» — сказал мне Чулков. И действительно, примерно через час, когда уже было много выпито и съедено закуски, у нашего столика появился кавказский повар в черкеске, держа в руках огромный вертел с шашлыком. Через всю столовую он торжественно нес этот вертел, в конце которого был надет шишак из горячей ваты. И этот шашлычный факел в полумраке ауэрбаховского погребка с картинами из Вальпургиевой ночи вызвал необычайную сенсацию у всех присутствующих. Особенно оживил и рассмешил он Левитана и Коровина. Где познакомился Андреев с таким маневром подачи шашлыка — не знаю, но картина была потрясающая.

В этот вечер Андреев играл Амфитриона.

Он мало ел и очень много пил. И чем больше пил, тем больше говорил, становился многоречивее. Он острил, шутил, рассказывал, пародировал. Пэк тоже не отставал от него в остроумии и эта перекличка двух молодых, беззаботных, веселых фельетонистов сверкала как словесный фейерверк. А я только слушал и диву давался, впервые видя перед собой, запросто, живых литераторов.

Андреев сам был остроумен и умел ценить чужое остроумие, по-детски заливаясь смехом по поводу каждой удачной шутки. Помню, в конце ужина, когда мы уже съели мороженое и пили холодный нарзан, Пэк с невозмутимо серьезным выражением лица

¹⁰⁵ Ермилов Владимир Владимирович (1904–1965) — критик, литературовед.

спросил Андреева: «А из горячего больше ничего не будет?» чем вызвал неистовый хохот Леонида Николаевича.

К концу ночи Андреев совершенно обессилел; один он не сумел бы добраться до дому, и нам с Ермиловым пришлось доставлять его на квартиру и сдать матери из рук в руки. Так началось наше знакомство.

Л. Н-ч жил где-то у Тверской заставы в одном из Тишинских переулков. Этот пролетарский район был неизменным и постоянным местом жительства Л. Андреева: Большие и Малые Грузины, Пресня, Тишинские переулки.

Лето тоже Андреев проводил в дешевых дачных местностях под Москвой: в Царицыне, Бутове близ Подольска. В Москве Андреев снимал довольно большую квартиру, и мать сдавала комнаты внаем с мебелью и с подачей самовара два раза в день: этим и существовали. Жили бедно и убого, чувствовалась нужда.

Газетная работа кормила очень скудно. Главным источником заработка служило рисование портретов. Л.Н., с детства хорошо владевший карандашом, занимался увеличением фотографических карточек, за что получал от 3 до 5 рублей, а когда набил в этом деле руку и стал рисовать почти как профессиональный портретист, начал брать по 10–12 руб. за портрет.

Л.Н. был старшим сыном в семье. Отец его — полуинтеллигент, орловский землемер — умер очень рано и скоропостижно: 42 лет от кровоизлияния в мозг, наградив сына тяжелою формой наследственного алкоголизма. И Л. Н-чу пришлось с юных лет взять на себя заботу о содержании семьи, в которой было 7 человек: мать, 4 сына и 2 дочери.

Совершенно исключительны были по нежности и любви взаимоотношения между Л.Н. и матерью Настасьей Николаевной. Мать обожала сына как своего первенца, а Андреев отвечал ей чувством безграничной любви. Я никогда в жизни не наблюдал такой нежнейшей сыновней заботливости и внимания.

Уже будучи знаменитым писателем, Андреев писал матери (надпись на томе его сочинений, подаренном Настасье Николаевне): «Матери моей с глубочайшим уважением и любовью, с величайшей благодарностью! Если я хорошо в этих книгах пишу о всех матерях, то это посвящается тебе, мамочка. И если я — автор, то ты, меня много раз родившая, снова и снова дававшая мне жизнь, есть автор автора. И вся честь тебе. Твой с неизменной любовью Леонид Андреев. 27 января 1914 г.»¹⁰⁶. В это время Л.Н. было 43 года.

¹⁰⁶ Сейчас экземпляр находится в библиотеке Пушкинского Дома; см.: Лики творчества. Вып. 1. Книги с автографами из фондов библиотеки Пушкинского Дома. Л., 1990. С. 8–9.

Окончив орловскую гимназию, Л.Н. поступил в Петербургский университет. Туда, а не в Москву потянуло Андреева за любимой девушкой: Зинаидой Николаевной Сибилевой, слушавшей лекции на Высших женских курсах в Петербурге¹⁰⁷. Но когда иллюзии Л.Н. были разбиты и Сибилева вышла замуж за другого, Андреев не мог оставаться в Петербурге, перевелся в Московский Университет, выписал из Орла мать с семьей и зажил типичной московской полуголодной жизнью.

По окончании юридического факультета Л.Н. приписался к словию присяжных поверенных. Таким образом, у него было три специальности: адвокатура, увеличение портретов и газетная работа, но все эти три профессии кормили очень скудно семью, состоящую из 7 человек.

Адвокатская карьера Андреева не задалась. Я помню одно уголовное дело, в котором Л.Н. выступал как защитник. Извозчик Комляшкин обвинялся в похищении у седока Михайлова бумажника с деньгами. Андреев построил свою защитительную речь на том, что потерпевший Михайлов, путешествуя в течение нескольких часов по целому ряду трактиров и портерных, мог лишиться ясного сознания окружающего и потерять бумажник. На этом основании Андреев ходатайствовал об оправдании извозчика. Но суд признал Комляшкина виновным в открытом похищении и приговорил его к исправительным арестантским отделениям на 2 с половиной года¹⁰⁸. После этого процесса Андреев навсегда утратил вкус к уголовным защитам.

Вообще, в области юриспруденции Л.Н. был крайне слаб и примитивен. В этом мне пришлось убедиться лично много лет спустя, уже в период первой империалистической войны. В 1915 г. я был юрисконсультосом московской кинематографической фирмы Александра Осиповича Дранкова¹⁰⁹, и в качестве такового заключал договор с Андреевым на инсценировку для экрана двух его произведений: «Тот, кто получает пощечины» и «Каинова печать»¹¹⁰.

Л.Н., как юрист по образованию и адвокат по профессии, считал, конечно, зазорным приглашать поверенного для защиты своих интересов при заключении договора. Но вскоре я убедился, что он

¹⁰⁷ О Зинаиде Николаевне Сибилевой (в замуж. Паутовой) см.: *Козьменко М.В.* Дневник-роман Леонида Андреева // Андреев Л.Н. Дневник. 1897–1901 гг. М., 2009. С. 16–18.

¹⁰⁸ Отчет об этом деле: Московский окружной суд. Грабеж // *Новости дня*. 1897. № 5191. 14 ноября 1897. С. 3.

¹⁰⁹ Дранков Александр Осипович (1880–1949) — фотограф, оператор, режиссер, продюсер. О нем см. справку Р. Янгирова: *Великий Киному*. Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908–1919. М., 2002. С. 505–508.

¹¹⁰ Оба фильма были сняты на фабрике «А.О. Дранков и К^о», но до наших дней не дошли.

совершенно беспомощен в отстаивании своих законных прав и зачастую предлагает условия, идущие явно в ущерб его выгодам. Я сказал об этом Л.Н., и дело кончилось тем, что он всецело положился на меня и доверил защиту его интересов, и мне таким образом пришлось не столько быть юрисконсультутом Дранкова, сколько поверенным Андреева.

Уже в Орле, в гимназии, Андреев начал пить и нажил себе невроз сердца. В Москве тяга к вину усилилась и порой проявлялась в очень тяжелых формах, как наследственная болезнь, осложненная острыми припадками благоприобретенной тоски. На него нападала непреодолимая хандра. Про Андреева говорили, что в эти периоды он пьет и закусывает аршинами: аршин рюмок и аршин колбасы¹¹¹.

Несколько упорядочилась жизнь Андреева после женитьбы. В 1901 г. Л.Н. женился на Александре Михайловне Велигорской¹¹². Это была чудесная женщина: худенькая и хрупкая, нежная и кроткая, с тихой грустью в милых и ясных глазах. Она вся жила интересами Андреева; как добрый гений своего мужа Алекс. Михайловна целиком ушла в тревоги и заботы об его благополучии. Посаженным отцом на свадьбе Андреева был Ник. Дм. Телешов¹¹³, а шафером — друг Андреева, многообразно разносторонний человек, врач, живописец, художественный критик, театральный рецензент и журналист Серг. Серг. Голоушев, писавший под псевдонимом Сергей Глаголь¹¹⁴.

После брака Л.Н. по-семейному чаще стал принимать гостей: у него стали бывать журналисты, писатели, художники, приезжал Ф.И. Шаляпин. Но ничто не спасало Андреева от чувства одиночества и тоски: ни женитьба, ни друзья не могли излечить его душевной оторванности от почвы, развеять его отчуждение от мира, от драматического восприятия жизни. Неудовлетворенность бытом и искание смысла жизни сопутствовали всем его дням и трудам.

Андреев вел образ жизни очень патриархальный, скорее провинциальный, чем столичный. Обедал в 3 часа, после обеда ложился спать и спал часов до 9. Писал только ночью: садился работать в 12 ч. и засиживался до 5–6 часов утра, причем выпивал невероятное количество крепкого чаю, поглощая по 2 самовара в ночь.

Также много и постоянно Андреев курил. Обдумывая какую-нибудь мысль и оттачивая очередную фразу, он шагал по комнате,

¹¹¹ Этот слух приводит также Н.Д. Телешов (Книга о Леониде Андрееве. С. 158).

¹¹² Об Александре Михайловне Велигорской (1881–1906) см.: Павлова Г.Н. Леонид Андреев и семья Велигорских // Русская литература. 2000. № 3. С. 169–177.

¹¹³ Николай Дмитриевич Телешов (1867–1957) оставил подробные воспоминания об этой свадьбе: Книга о Леониде Андрееве. С. 156–157.

¹¹⁴ Голоушев Сергей Сергеевич (1855–1920) — врач, художественный критик и публицист.

неизменно дымя папироской. Одним словом, Л.Н. делал как раз все то, против чего так энергично ополчился Лев Толстой в своей известной статье: «Для чего люди одурманиваются».

Выпивая, Л. Н-ч любил петь, причем пел только приблизительно к подлинной мелодии, т.к. был абсолютно лишен музыкального вкуса и не обладал никаким голосом. Пел он больше фольклорные песни: студенческие, казачьи, разбойничьи.

Большим утешением для Андреева была домашняя собачка. Маленький невзрачный песик, у которого была очень длинная кличка, его звали: «действительный статский советник Кондачков»¹¹⁵.

В 1899 г. в Париже слушался нашумевший на весь мир судебный процесс по обвинению французского офицера Альфреда Дрейфуса в выдаче немецкому правительству секретных документов, касающихся состояния французской армии. Как известно, военный суд признал Дрейфуса виновным в шпионаже и предательстве и приговорил его к пожизненному заключению в Кайенне на Чертовом Острове.

Затем в печати появились сведения, что следствие велось небрежно, что защите не были предъявлены важнейшие документы и пр. В обществе стало крепнуть убеждение, что Дрейфус пал жертвой несправедливого приговора или судебной ошибки. В дело вмешался Эмиль Золя, поставивший своей целью добиться пересмотра дела и оправдания Дрейфуса. И он действительно добился нового разбирательства дела, причем Дрейфус был признан невиновным, восстановлен во всех правах и награжден. Вскоре сам Дрейфус совершенно отошел на задний план, и внимание европейского общества было привлечено теперь делом Золя, выступившего со своим знаменитым письмом «Я обвиняю» на борьбу с правительством.

Эти два процесса — Дрейфуса и Золя — произвели на Л. Андреева, как на судебного хроникера, огромное впечатление. Почти одновременно с парижским процессом Дрейфуса читающую публику в России волновало одно судебное дело: процесс братьев Скитских, обвиняемых в убийстве секретаря Полтавской консистории Комарова¹¹⁶. Дело это ввиду своей загадочности и шаткости обвинения слушалось три раза. В первый раз оно слушалось в Полтаве и окончилось оправданием подсудимых. Но по протесту прокурора сенат кассировал приговор. Вторично дело разбиралось в Харькове и на этот раз завершилось обвинительным приговором: Скитские были осуждены на каторжные работы на 12 лет. По жало-

¹¹⁵ По другой версии, мопса Андреева звали Мосей Мосеевич Кондачков (см.: *Андреев Л.Н.* Дневник. 1897–1901 гг. С. 279 (комм. М.В. Козьменко)).

¹¹⁶ Чрезвычайно шумное судебное дело, по которому Степан Леонтьевич и Петр Леонтьевич Скитские обвинялись в убийстве своего бывшего начальника, секретаря местной консистории Андрея Яковлевича Комарова, произошедшем 15 июля 1897 г. (см.: Дело об убийстве Комарова. Полтава, 1899).

бе защитника приговор опять был кассирован сенатом и дело было назначено к рассмотрению опять в Полтаве в третий раз.

Памятуя роль знаменитого писателя в истории дел Дрейфуса, Л. Андреев решил сыграть в деле Скитских роль Золя и добиться их оправдания. Он затеял на столбцах «Курьера» целую кампанию в пользу братьев Скитских, написал ряд блестящих статей, направленных к их реабилитации, дважды ездил в Полтаву на слушание дела и присылал оттуда в «Курьер» страстные, полные пламенного негодования корреспонденции¹¹⁷.

Интерес к процессу был огромный как у местных жителей, так и по всей России. Корреспонденции Л. Андреева перепечатывались из «Курьера» многими газетами. Вся Полтава разделилась на две партии: за Скитских и против них. Достаточно сказать, что два таких приятеля как Л. Андреев и Пэк, которые оба присутствовали на процессе, вынесли разные впечатления и были разных мнений: Пэк был убежден в виновности Скитских, Л.Н. их горячо защищал. В конце концов в 1900 г. бр. Скитские были полностью оправданы и освобождены из тюрьмы, пробыв в ней почти три года. Андреев, как Эмиль Золя, торжествовал победу. И действительно: если в истории русских судебных ошибок и сохранится память о деле бр. Скитских, сейчас уже преданном полному забвению, то только благодаря горячим защитительным статьям Л. Н-ча, которые перепечатаны в полном собрании его сочинений, в шестом томе¹¹⁸.

Однако не легко далась Л. Н-чу эта, как говорил Андреев, «полтавская победа»: постоянно мучившие его мигрени значительно усилились после этого процесса: головные боли окончательно расстроили и без того утомленную и повышенную нервную чувствительность и Андреева пришлось серьезно лечить. Редакция «Курьера» положила его в нервную лечебницу доктора Савей-Могилевича на Девичьем поле¹¹⁹. По поводу этой фамилии Л.Н., конечно, не мог удержаться от мрачной шутки: «хороши друзья, — говорил он, — нечего сказать; во всей Москве не могли найти другого места, чтобы положить меня, кроме как к Могилевичу». Над изголовьем Андреева торжественно был водружен жестяной ярлык, на котором латинскими буквами было напечатано «Neurasthenia». Когда Л. Н-ча спрашивали, к чему это? неужели доктор боится забыть название вашей болезни? Нет, — отвечал Л.Н., — это сделано для того, чтобы мне постоянно напоминать о моем недуге.

В лечебнице Савей-Могилевича Андреев пробыл месяца два и вышел оттуда значительно поправившимся, с окрепшими нервами.

¹¹⁷ Свод выступлений Андреева, связанных с процессом, см.: Леонид Николаевич Андреев. Библиография. Вып. 1. Сочинения и письма. С. 76, 84–85.

¹¹⁸ Андреев Л. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 6. С. 347–362.

¹¹⁹ Савей-Могилевич Федор Андреевич (1841–1907) — психиатр, владелец частной лечебницы для душевнобольных.

Он вынес из общения с другими больными много разнообразных впечатлений, между прочим, тему и материал для своего прекрасного рассказа «Жили-были».

В это время Л. Андреев уже был автором рассказов: «Баргамот и Гараська», «Большой шлем», «Ангелочек», «Ложь», «Набат», «Стена» и др. Интересны обстоятельства, при которых А.М. Горький обратил внимание на рассказ Л. Н-ча «Баргамот и Гараська». «Мне в этом случае повезло, — говорил Л. Н-ч. — Рассказ был напечатан в пасхальном номере “Курьера” за 1898 г. Как раз в это время, весной 1898 г. газета “Нижегородский Листок”, в которой сотрудничал М. Горький, была закрыта административным порядком на три месяца. Редактор его Ещин¹²⁰ приехал в Москву, чтобы приискать какую-либо газету, которая могла бы высылаться подписчикам закрытого “Нижегородского Листка” в виде компенсации и остановил свой выбор на “Курьере”. Тут-то и заметил М. Горький “Баргамота и Тараську” и запросил редакцию “Курьера”: кто скрывается под псевдонимом Леонид Андреев. Ему ответили, что это не псевдоним, а настоящая фамилия постоянного сотрудника газеты, судебного хроникера Леонида Николаевича Андреева. Этого запроса популярного писателя М. Горького было достаточно для того, чтобы мои фонды в редакции сильно поднялись; на первой же редакционной вечеринке был провозглашен тост за процветание нового молодого дарования и подняты бокалы за успехи Леонида Андреева».

В 1901 г. появился в «Курьере» рассказ «Бездна», а затем, несколько поздней, рассказ «В тумане». Многие, вероятно, еще помнят историю, связанную с этими произведениями. Жена Л.Н. Толстого, Софья Андреевна Толстая, выступила в печати с письмом, в котором протестовала против подобного рода беллетристики, вредной и безнравственной по ее мнению, и обвиняла Л. Н-ча в эротизме и порнографии¹²¹. Печать подхватила протест Софьи Андреевны и во всей прессе началась газетная шумиха, больше того, какая-то фельдетонная свистопляска вокруг имени Леонида Андреева.

Результатом этой кампании явилось то, что когда Л. Андреев баллотировался в действительные члены Общества Любителей Российской Словесности, — он прошел едва-едва, большинством лишь одного голоса, в то время как, скажем, такой писатель как Аркадий Иоахимович Лященко был избран единогласно¹²².

¹²⁰ Ещин Евсей Маркович (1875 — после 1936) — журналист, адвокат.

¹²¹ Толстая С.А. Письмо в редакцию // Новое время. 1903. № 9673. 7 февраля. С. 4. Письмо это было перепечатано в нескольких десятках газет (см. предварительный перечень: Леонид Николаевич Андреев. Библиография. Выпуск 2. Литература (1900–1919) / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1998. С. 34–35).

¹²² Андреев был принят в действительные члены Общества 31 января 1903 г. (см.: Словарь членов Общества любителей Российской Словесности при Мос-

В конце концов эта история с «Бездной» так надоела писателю, что когда в 1901 г. вышла первая книжка его рассказов¹²³, то, даря ее своим друзьям, Л.Н. на подносных экземплярах писал: «Будьте любезны, не читайте Бездны»¹²⁴. Эта книжка сразу обратила на себя внимание и критики и читателей. Делавший в те годы литературную погоду и создававший писательские репутации критик и публицист Ник. Конст. Михайловский написал о сборнике рассказов Андреева сочувственную статью¹²⁵, и в одно прекрасное утро Л. Н-ч, как Байрон, проснулся знаменитостью.

После этого, выйдя на линию популярного писателя, Андреев оставил судебную хронику, которая перешла в руки маленького беллетриста Гущина¹²⁶, не чувствовавшего вкуса к этому делу. Видимо, душа его не лежала к судебному репортажу, и он недолго оставался в редакции. После Гущина ведение судебного отдела, по рекомендации Л. Н-ча, было поручено мне.

И вот я уже не сотрудник легкомысленных «Новостей дня», а работник серьезного «Курьера». Я вспоминаю состав нашей редакции. Редактором у нас был нынешний нарком по просвещению Владимир Петрович Потемкин¹²⁷. Он был педагог и литератор в то же время: преподавал русский язык в средних учебных заведениях и редактировал «Курьер».

«Московский златоуст», — говорили о нем знакомые, и действительно, Владимир Петрович — блестящий, первоклассный оратор. Выступая с речами на различных диспутах и литературных вечерах, он имел огромный успех.

Издателем газеты был некто Фейгин Яков Александрович, очень колоритная фигура¹²⁸. По основной своей профессии он был стра-

ковском Университете. [М., 1911]. С. 11–12) — действительно, в один день с инспектором Петровского Коммерческого училища, редактором «Литературного вестника» Аркадием Иоакимовичем Лященко (1871–1931). Об обстоятельствах голосования см.: *Фатов Н.Н.* Молодые годы Л. Андреева. М., 1924. С. 184–185.

¹²³ Андреев Л. Рассказы. СПб., 1901.

¹²⁴ В других контекстах это двусмысленно приводят Горький (Книга о Леониде Андрееве. С. 45) и Н. Телешов (Там же. С. 156).

¹²⁵ Михайловский Н.К. Литература и жизнь. Рассказы Л. Андреева. Страх смерти и страх жизни // Русское богатство. 1901. № 11. Отд. II. С. 58–74.

¹²⁶ Имеется в виду Александр Маркович Гутмакер (псевдоним Гушин, 1876–1921), оставшийся в истории литературы благодаря переписке с Чеховым (свод наличных сведений о нем см.: Из архива А.П. Чехова. Публикации. М., 1960. С. 188–191); см. также: Русская интеллигенция. Автобиографии и биобиблиографические документы в собрании С.А. Венгерова. СПб., 2001. Т. 1. А–Л. С. 349.

¹²⁷ Потемкин Владимир Петрович (1874–1946) — критик, публицист, позже — дипломат, посол СССР во Франции.

¹²⁸ Фейгин Яков Александрович (1859–1915) — переводчик, театральный

ховой агент, но очень большого, международного масштаба. Он страховал только крупные объекты: каменноугольные копи, рыбные ватаги, девственные леса, посевные площади, фабрично-заводские предприятия и т.д. Он был хром: одна нога у него была деревянная, и ходил он по комнатам с характерным стуком протеза. Это не мешало ему быть необычайно подвижным и легким на подъем. Он то и дело ездил за границу страховать и перестраховывать: то в Берлин или Гамбург, в Брюссель или Антверпен, в Гаагу или Копенгаген. Причем ездил на самые короткие сроки: на день, на два. Был очень хлебосолом; после удачной страховой сделки любил угощать мелких сотрудников, и особенно подкармливать репортеров завтраками в ресторане «Эрмитаж» или ужинами в саду «Аквариум».

Вы спросите: какое же отношение он имел к литературе? Дело в том, что у Фейгина была одна маленькая слабость: он считал себя специалистом по Ибсену и большим знатоком его драматургии¹²⁹. Поэтому, передоверив редактирование всей газеты Владимиру Петровичу Потемкину, он оставил себе только Ибсена: писал о нем статьи, рецензии на постановки его пьес и пр. и очень сердился, когда Владим. Петрович пропускал фельетоны Леонида Андреева на те же темы: о Норе, о «Дикой Утке», о «Когда мы мертвые пробуждаемся» и др.¹³⁰

Юрисконсультом газеты и автором статей по правовым вопросам был Коновицер Ефим Зиновьевич, большой практик, под конец жизни ударившийся в откровенное и размашистое делячество и скомпрометировавший себя своей близостью к Распутину, через которого добивался крупных и выгодных концессий¹³¹.

Секретарем редакции работал Новик Исаак Данилович, своим зорким глазом первый заметивший литературное дарование Л. Андреева, и напечатавший его пасхальный рассказ «Баргамот и Гараська»¹³². В отделе иностранной литературы печатались хорошо

критик. В архиве Кара-Мурзы сохранилась подборка заметок, посвященных его памяти (РГБ. Ф. 561. Карт. 51. Ед. хр. 24).

¹²⁹ Статьи Фейгина об Ибсене собраны в книге: *Ф-н Я.А.* Генрик Ибсен. Критические этюды. М., 1901.

¹³⁰ Андреев писал о «Докторе Штокмане» (Курьер. 1900. № 300. 29 октября. С. 2 (подп.: James Lynch)); о «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (Курьер. 1900. № 335. 3 декабря. С. 2 (подп.: James Lynch)) и о «Дикой утке» (Курьер. 1901. № 270. 30 сентября. С. 2 (подп.: Джемс Линч)). Статей о Норе (то есть о пьесе «Кукольный дом») в библиографии Андреева не значится.

¹³¹ Коновицер Ефим Зиновьевич (1863–1916) — адвокат, совладелец «Курьера».

¹³² Журналист Исаак Данилович Новик (1861–1924) — среди прочего, автор воспоминаний «Л.Н. Андреев. Первые шаги его литературной деятельности» (Вестник литературы. 1919. № 12. С. 4–6).

известные нам Владимир Максимович Фриче и Петр Семенович Коган¹³³, проводившие, насколько это было возможно в легальной подцензурной газете, марксистскую концепцию.

Статьи по русской литературе писал Владимир Михайлович Шулятиков, не лишенный критических способностей, но типичный вульгарный социолог, все явления литературы рассматривающий с точки зрения успехов техники и машинного производства¹³⁴.

Один редакционный шутник даже сочинил стишок по поводу этой группы, который распевался сотрудниками на мотив из «Гейши».

Фейгин с гордостью нес свою ногу,
Выходя на большую дорогу;
Ковыляла за ним:
Коновицер Ефим,
Фриче, Новик, Шулятиков, Коган.

Из других сотрудников вспоминаю: Виктора Александровича Гольцева, отца нашего сочлена Виктора Викторовича Гольцева, Павла Никитича Сакулина, Матвея Никаноровича Розанова, Виктора Петровича Острогорского, Анатолия Васильевича Луначарского, Александра Серафимовича Серафимовича, Николая Дмитриевича Телешова, Владимира Алексеевича Гиляровского, Татьяну Львовну Щепкину-Куперник¹³⁵ и др.

Однако вернемся к Л. Андрееву и его обликам. С раннего детства Л. Н-ч был самоуверен и тщеславен. Он однажды сделал нам такое признание: «Еще 14 лет я сказал себе, что буду знаменит или не стоит жить». Но ему почему-то казалось, что он прославится как художник-живописец; о писательской славе он не помышлял. Случилось, однако, обратное. К рисованию он проявлял довольно большие способности, но все же они не выходили за пределы дилетантизма. Он любил рисовать трагические карикатуры во вкусе Франсиско Гойя, которые хвалил даже Валентин Александрович Серов. Из Полтавы, с процесса Скитских, Л.Н. присылал судебные отчеты, иллюстрированные собственными рисунка-

¹³³ Владимир Максимович Фриче (1870–1929) — публицист и литературовед, с 1928 г. — академик; Петр Семенович Коган (1872–1932) — публицист, титулованный советский историк литературы.

¹³⁴ Владимир Михайлович Шулятиков (1872–1912) — переводчик, критик.

¹³⁵ Последовательно перечислены В.А. Гольцев (о котором см. выше) и его сын критик Виктор Викторович Гольцев (1901–1955), филологи Павел Никитич Сакулин (1868–1930), Матвей Никанорович Розанов (1858–1936) и Виктор Петрович Острогорский (1840–1902), высокопоставленный публицист Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933), писатели Александр Серафимович Серафимович (1863–1949), Н.Д. Телешов (упоминавшийся ранее), Владимир Алексеевич Гиляровский (1855–1935), Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952).

ми, портретными зарисовками с подсудимых, свидетелей, состава суда, защитников и пр.

В качестве исторического документа, свидетельствующего об Андрееве-живописце, остался портрет покойного поэта Ивана Алексеевича Белоусова, ныне находящийся в Московском Литературном Музее. Андреев писал Белоусова дважды: один раз он закончил лицо и оставил его без изменения, а в другой раз уже совсем было готовый портрет переделал в картину: «Иуда Искариот»¹³⁶.

С раннего же детства Л.Н. до самозабвения увлекался чтением. Семи лет он был записан уже в библиотеку и вполне независимо отыскивал по каталогу нужные ему книги. «Самые интенсивные переживания мои в детстве», — рассказывал Л.Н., — «связаны были с книгой. Какая значительность была за каждым ее словом! Помню, например, слово “Бова” — что особенного, кажется, а ведь тогда трепетал перед его громадными печатными буквами!»¹³⁷

Следующим «кругом чтения» Андреева является уже экзотика: романы Фенимора Купера, Майн-Рида, Жюль Верна, причем для чтения каждого автора создается особая обстановка. Майн-Рида, например, он читал на чердаке отцовского дома. Запасшись куском черного хлеба, он забирался туда с книгой на весь день и до самозабвения упивался каким-нибудь «Всадником без головы».

Фенимора Купера он любил читать лежа: раздевался для этой цели догола, вымазывался дочерна в сажу, развешивал по стульям одеяла и вздыбленные подушки, и с копьём в руке, с пером в волосах, разваливался с книгой на полу «вигвама» и в таком виде поглощал «Последнего из могикан» или «Открывателя следов» или «Охотники за ланями».

Здесь, в этой манере чтения уже несомненно можно усмотреть ранние зачатки игры, первые признаки «театра для себя».

Не меньшее чем книга впечатление производил на будущего писателя театр. Однажды на орловской сцене он увидел мелодраму «Жак — Бразильская обезьяна»¹³⁸, которая почти на неделю сделала его невменяемым. Артист, игравший заглавную роль, как и полагается быть обезьяне, за весь спектакль не проронил ни одного слова, и это поразило Андреева в высшей степени: уже по

¹³⁶ Это свидетельство подтверждается; см. описание портрета, поступившего в хранилище в 1927 г. от оригинала: Poeta pingens. Писатель рисующий. Живопись и графика писателей в собрании Государственного Литературного музея. Альбом-каталог. М., 2004. С. 71. См. также обзор наследия Андреева-художника по материалам ГЛМ: Петрова Н.И. Рисунки и живопись русских писателей (из фондов Гослитмузея) // Новое и забытое. Вып. 1. М., 1966. С. 31–36.

¹³⁷ Имеется в виду одно из лубочных изданий, посвященных «богатырю Бове-королевичу».

¹³⁸ Правильно — «Жоко, или Бразильская обезьяна»; пьеса К.Л.М. де Рошфора и Ж.Ж. де Л. Габриеля.

дороге из театра домой он стал обнаруживать признаки «помешательства». Он замолчал. Просто замолчал — перестал говорить. Никто из домашних не мог понять, в чем дело, а все расспросы оказывались безрезультатными: объяснить, что обезьяны не говорят, впечатлительный театрал не мог — это было бы вопиющим нарушением правды...

Отдавая подобным образом посильную дань литературе и искусству, Андреев с таким же крайним увлечением относился к явлениям реальной жизни, к детским играм. С серьезным лицом рассказывал нам Л. Н-ч об одном моменте самого беспросветного детского горя, самого полного отчаяния. «Я был миллионером, — рассказывал он, — на руках у меня было наличными около 300–400 пар лодыжек (бабок)¹³⁹. И вот, где-то на чужих задворках, среди враждебной мне бедноты, — безлодыжников, я в течение получаса проигрываю в карты все свои богатства! Последняя ставка, и все кончено, я нищий! И тогда мной овладевает такая бездна отчаяния, что я, недолго думая, запускаю картами кому-то в лицо, даю пинка одному, другому и, пользуясь наступившей сумятицей, подхватываю в подол все, что могу, и убегаю». «Я даже ростовщицеством занимался, — сказал Л. Н-ч., — лодыжки в рост отдавал».

В бытность уже московским студентом однажды Андреевым овладела бредовая идея: совершить без гроша денег путешествие вокруг света. И он уговорил двух своих приятелей тронуться в путь. После одной сильной попойки они, не имея в кармане ни копейки, сели в поезд и уехали в Петербург. Там они продержались без денег около недели и, конечно, вынуждены были вернуться обратно в Москву¹⁴⁰.

Об истории увлечений Л. Н-ча можно было бы написать целую книгу. До изнеможения катался Андреев на коньках. В воспоминаниях А.М. Горького сказано, что «ладонь одной руки у Андреева была пробита пулей, пальцы скрючены. Он пробовал убить себя»¹⁴¹. Это неверно. Левая рука у Л. Н-ча действительно была скрючена. Катаясь на коньках, он упал на разбитую бутылку и повредил себе ее, перерезав жилу. Следы от пореза и остались навсегда.

После коньков наступает увлечение велосипедом, затем грамофоном; далее идет почти маниакальное фотографирование аппаратом «Кодак», с годами делающее Андреева энтузиастом и пропа-

¹³⁹ Округлая кость (чаще — коровы, овцы или козы), давшая название популярной народной игре и служащая в ней одновременно инвентарем и частью призового фонда.

¹⁴⁰ Об этом же эпизоде вспоминает Б. Зайцев: Книга о Леониде Андрееве. С. 132.

¹⁴¹ См.: Книга о Леониде Андрееве. С. 10.

гандистом цветной фотографии. Впоследствии, живя в Финляндии, Л. Н-ч без устали ходит на лыжах и, ставши адептом морского спорта, заводит собственную яхту и целыми сутками пропадает в шхерах. Для этой цели он заказывает себе специальный костюм шкипера, сбривает усы, оставляя волосы лишь вокруг подбородка, чтобы походить на финляндца — старого морского волка.

До смешного серьезна была любовь Андреева к шашкам. К шашечной игре он относился с благоговейным уважением: изучал все приемы игры, рассчитывал все ходы, решал специальные задачи и всех приходящих заставлял играть в эту ничтожную игру. Можно смело сказать, что во всех своих увлечениях он доходил до экстремы, до *plus ultra*, почти до абсурда. Он жег свою жизнь как свечу с обоих концов. «Не копить в себе, а расточать себя приходит человек на землю, — говорил Л. Н-ч, — расточать в достижении далекого и невозможного».

Я уже говорил, что Андреева всегда преследовала мысль о самоубийстве. Он трижды покушался убить себя. В первый раз будучи гимназистом, когда ему было всего 16 лет.

Однажды теплой летней ночью возвращался он в компании товарищей и гимназисток домой вдоль полотна железной дороги. «И вдруг, — рассказывал Л.Н., — мне безумно захотелось броситься под поезд и испытать свою судьбу. Я знал, что по Орлово-Витебской железной дороге ходят паровозы двух типов: с высокой топкой и с низкой. Если с высокой, — то я буду спасен, если с низкой — то погибну, значит так нужно, так угодно судьбе». Оторвавшись от группы товарищей, Андреев на глазах у всех бросился под товарный поезд, вдоль рельс. Паровоз оказался с высокой топкой и поезд промчался над ним, только оглушив его. Зашибло грудь и голову, расцарапало лицо, сорвало куртку, разодрало в клочья, но Л. Н-ч остался невредим. На всех присутствующих товарищей этот безрассудный поступок Андреева произвел ошеломляющее впечатление.

Во второй раз Л. Н-ч. покушался на себя в 1894 г. студентом, когда ему было 23 года. Он стрелял в себя из револьвера системы Лафоше. Спас его присутствующий при этом товарищ — студент Блохин¹⁴²; пуля скользнула по пуговице и причинила контузию в области левого соска. Результатом этого неудачного покушения было церковное покаяние, наложенное на Андреева, и болезнь сердца, не опасная, но упрямая.

¹⁴² Блохин Сергей Сергеевич (1872–1929) — одноклассник и друг юности Андреева; см. о нем: Воспоминания Михаила О-на [Ольгина] о Леониде Андрееве (Девяностые годы прошл[ого] столетия части московского студенчества). Вступ. ст., подг. текста и комм. Л.В. Ивановой // Леонид Андреев. Материалы и исследования. М., 2000. С. 159–160.

В третий раз Л. Н-ч пытался убить себя финским ножом. И тут его спас товарищ, студент Кречетников¹⁴³.

Все свои самоубийственные эмоции и переживания Л. Андреев воплотил в своем замечательном «Рассказе о Сергее Петровиче», хотя этот рассказ и написан с натуры с одного студента, покончившего жизнь самоубийством и действительно погибшего¹⁴⁴.

Вообще, большинство своих произведений Л. Н-ч писал с натуры. Реальной действительностью навеян, например, сюжет пьесы «Дни нашей жизни». В квартире с Андреевым снимала комнату одна женщина, которая промышляла своей дочерью-институткой. Узнав об этом, Л. Н-ч пришел в страшное негодование и однажды, когда у девицы был в гостях офицер, Андреев ворвался к ним в комнату и устроил скандал, требуя удаления гостя. Офицер выхватил пашку и ударил Андреева по голове, но не ранил его¹⁴⁵. Любопытно отметить, что в пьесе «Дни нашей жизни» цензура требовала заменить этого офицера почтово-телеграфным чиновником. За всем тем, при всех подобных конфликтах и драматических эпизодах, Андреев необычайно любил жизнь, любил все радости бытия, все утехи физического, морального и умственного существования. Любил людей, друзей, мысль, литературу, музыку, искусство, природу, свой народ, свое отечество, свою историю, свой родной Орел. Однажды, когда я уезжал по судебному делу в Орел, Л. Н-ч просил меня обязательно зайти на 2-ую Пушкарскую улицу, в которой прошло его детство, навестить дом, в котором он вырос, гимназию, в которой учился. И я действительно навестил все эти Андреевские места: видел Пушкарскую улицу, которая находится в самом конце города, видел речку Орлик, в которой фашистские злодеи потопили столько невинных русских людей, видел крутой глинистый обрыв, весь утопающий в садах и среди них знаменитый тургеневский сад «Дворянского гнезда», где в старом доме, по преданию, жила девушка, послужившая прототипом для Лизы Калитиной¹⁴⁶.

¹⁴³ Сведения об этом эпизоде, вероятно, восходят к книге: *Фатов Н.Н.* Молодые годы Л. Андреева. С. 239, где история приводится со ссылкой на воспоминания В.А. Еловского, товарища Андреева по гимназии, слышавшего ее от самого Кречетникова (другими данными о котором мы не располагаем).

¹⁴⁴ В основу рассказа положена история соученика Андреева по орловской гимназии и университету Григория Петровича Третьякова (1872–1896), покончившего с собой (см.: *Андреев Л.* Собр. соч. М., 1990. Т. 1. С. 600 (комм. В.Н. Чувакова)).

¹⁴⁵ Об этом же вспоминал А.Е. Кауфман со слов своей родственницы С.Д. Пановой (см.: *Кауфман А.* Андреев в жизни и в своих произведениях // *Вестник литературы.* 1920. № 9. С. 3). Не исключено, конечно, что Кара-Мурза сам использует эту публикацию как источник.

¹⁴⁶ Согласно одной из версий, прототипом героини Тургенева была орловская жительница Евдокия Семеновна Коротнева (см. исключительный по пол-

Недавно Валентин Катаев в своей корреспонденции из Орла, описывая места действия боев в Орловском районе, назвал их тургеневскими и лесковскими местами¹⁴⁷; с полным правом и основанием он мог бы назвать их также андреевскими местами, ибо во многих своих произведениях Л. Андреев зарисовал и увековечил ландшафты и пейзажи орловской области, ее богатую природу, ее густые соловьиные сады, ее тучные пашни и бескрайние поля, цветущие берега полноводной Оки и речки Орлика.

Воображаю, как бы радовался сейчас Л. Н-ч, узнав, что его родной Орел освобожден от немецких извергов¹⁴⁸.

Едва ли какой-нибудь другой писатель совершил такую большую кривую восхождения к славе как Андреев. Он начал свою литературную деятельность с таких низов, с каких никто еще не начинал. В газете «Русское слово» он вел справочный отдел, т.е. буквально писал следующее: «Картинная галерея братьев Третьяковых, Лаврушинский пер., открыта по вторникам, четвергам и субботам. Вход бесплатный. Политехнический музей, Новая площадь, открыт по таким-то дням. Палата бояр Романовых, открыта в такие-то часы», и т.д. За эту работу Л. Н-ч получал по 30 коп. в день.

Следующим этапом его литературного пути была работа в газете «Московский вестник» в качестве судебного репортера, где Л. Н-ч получал по 2 копейки за строчку, и, наконец, «Курьер», где ему платили по рублю и по два рубля за отчет.

И кончил свой творческий путь Андреев такими произведениями, как «Мысль», «Анатема», «Океан», «Самсон в оковах», «Дневник Сатаны», «Реквием», доставившими ему мировую известность.

Работая в мелкой прессе, Андреев не переставал читать и по-жирать [?] книги. Любимым его чтением была английская и американская литература. Он любил Кипплинга, Уэллса, Джером-Джерома, Джека Лондона, Эдгара По и др. Но наиболее ценным им писателем был Диккенс, которого Л. Н-ч. перечитывал по многу раз.

Андреев очень любил удачные шутки и острые слова, даже если они были направлены против него самого. Одно время Андреева сближали с Эдгаром По. И Леонид Николаевич от души смеялся, когда Буренин в «Новом времени» каламбурил и писал: «Это не столько Эдгар По, сколько Глу-По»¹⁴⁹. Сам Андреев умел давать

ноте обзор литературы вопроса: *Емельянов В.Г.* Лиза Калитина и орловские реалии (к вопросу о прототипе) // *Филологические науки.* 1985. № 1. С. 72–77).

¹⁴⁷ См.: *Катаев В.* На орловской земле // *Правда.* 1943. № 191. 1 августа. С. 3 («[...]как красива, богата, могущественна эта орловская земля, воспетая Тургеневым, Лесковым [...]» etc).

¹⁴⁸ Орел был освобожден 5 августа 1943 г.

¹⁴⁹ Шутка венчает статью: *Буренин В.* Критические очерки // *Новое время.* 1902. 27 сентября. № 9542. С. 2. Эта же острота много лет спустя припомни-

удивительно тонкие и изысканные определения вещам. Помню, однажды мы проходили по одному из тихих переулков Арбата, не то Кречетниковскому, не то по Сивцеву Вражку. И Л. Н-ч задумчиво сказал: «Какой чудесный переулок, как будто он целиком поставлен Станиславским».

Были в писаниях Л. Андреева и ляпсусы, и ошибки. В одном месте у него сказано: «Комета Биела, открытая Галлеем». А между тем известно, что Галлеем была открыта одна комета, а комета Биела открыта Биелом¹⁵⁰. В другом месте у Андреева сказано об одной библиографической редкости: это было маленькое «in quarto», в то время как «in quarto» как раз большой формат книги¹⁵¹.

1905-й год принес Л. Н-чу несколько огорчений. Незадолго до декабрьского восстания в Москве, в Колонном Зале Благородного Собрания, ныне ДOME Союзов, был устроен большой литературный вечер. Официальным организатором вечера был Л. Андреев.

В то время практиковался такой порядок: разрешение на устройство вечеров давалось какому-нибудь определенному лицу, более или менее известному, бравшему на себя всю материальную и политическую ответственность вечера. Подписка об ответственности за этот концерт была дана Л. Андреевым, но на грех на этом вечере популярный тогда поэт Скиталец, друг Л. Андреева и М. Горького, Степан Гаврилович Петров, прочел неразрешенное цензурой стихотворение «Гуслляр», пророчествующее революцию. Наблюдавшие за ходом вечера полицейские чины концерт прекратили, погасили электрический свет, всю публику из зала удалили, а Л. Н-ча как ответственное лицо отдали под суд, из которого, впрочем, Андреев ушел без ущерба для себя¹⁵².

В другой раз Л. Н-ч отдал свою квартиру под конспиративное собрание Ц.К. Социал-демократической партии, фракции больше-

лась П.М. Пильскому: «Как же это Эдгар По, когда это просто Глу-По?» (*Пильский П.* В Эстонии. Публ. А. Меймре // Балтийский архив. Т. VII. Вильнюс, 2002. С. 42).

¹⁵⁰ Из пьесы «К звездам» (*Андреев Л.* Собр. соч. М., 1990. Т. 2. С. 342).

¹⁵¹ Из первой редакции пьесы «Царь Голод» (*Андреев Л.* Царь Голод. Представление в 5-ти картинах с прологом. СПб., 1908. С. 107). Позже было исправлено на «in octavo» (*Андреев Л.Н.* Полн. собр. соч. и писем. М., 2013. Т. 6. С. 239) — возможно, под влиянием подобных замечаний. С точки зрения современной книговедческой практики вполне допустимо различать малый и большой «in quarto», подразумевая отклонения от умополагаемой нормы формата.

¹⁵² Этот же эпизод приводит Н. Телешов (Книга о Леониде Андрееве. С. 150). В действительности вечер состоялся 12 декабря 1902 г. в пользу Общества вспомоществования учащимся женщинам в Москве и переселенцев Челябинского пункта. Скиталец добавил к разрешенному тексту «Гуслыра» еще строфы и на «бис» прочитал стихотворение «Нет, я не с вами...». Подробности см.: Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 169.

виков, которое было накрыто полицией. Собравшихся арестовали, в том числе Л. Н-ча, и посадили в Таганскую тюрьму¹⁵³. В засаду попал и Скиталец, возвращавшийся с узелком в руках из бани и завернувший к Андрееву на огонек, попить чайку.

В Таганской тюрьме Л. Н-ч просидел месяца полтора. По выходе из тюрьмы его ждала новая неприятность. Он получил предупреждение о том, что на его жизнь готовится покушение со стороны пресненских черносотенцев за его якобы революционную деятельность. Тревожное тогда время было в городе, всякое могло случиться. А Л. Андреев в те годы был чрезвычайно популярен в Москве. Ходил в поддевке, в высоких сапогах, зимой в бекеше и обращал на себя всеобщее внимание. К счастью, расправиться с Андреевым черносотенцам не удалось: его братья и их товарищи организовали защиту писателя и опасность миновала.

Но все же Л. Н-ч был вызван в охранное отделение, где ему дали понять, что ему необходимо на некоторое время, по крайней мере года на два, покинуть Москву и уехать за границу. И, несмотря на беременность жены, Л. Н-ч быстро собрался и уехал в Берлин. Это был отъезд, похожий на высылку, полувынужденный, полудобровольный. Он переехал в Германию с женой, с детьми, с матерью, с которой не расставался.

В Берлине Андреева ожидало новое тягчайшее испытание. В ноябре 1906 г. умерла его жена Александра Михайловна от послеродовой горячки¹⁵⁴. Это был ужасный удар для писателя, безгранично любившего жену. Вспомните, какое посвящение написал Л. Н-ч на «Жизни Человека»: «Светлой памяти моего друга, моей жены отдаю эту вещь, последнюю, над которой мы работали вместе».

Тело Александры Михайловны было привезено в Москву и, помню, мы хоронили ее в морозный декабрьский день на кладбище Новодевичьего монастыря. А сам Л. Н-ч, не имевший возможность приехать в Москву, уехал из Берлина с матерью и с детьми в Италию, на Капри к Ал. Макс. Горькому.

Он ни минуты не хотел оставаться в Берлине. Он ненавидел этот город, с его казарменной архитектурой, с безвкусной аллеей побед, с наглюю, самодовольной военщиной. Здесь им написано «Проклятие зверя». Город, проклинаемый зверем, конечно, Берлин.

Любопытно, что из всего путешествия в Италию Л. Н-ч вынес только одно сильное впечатление. Его не пленили ни Венеция, ни Флоренция, ни Рим, ни гондолы, ни баркаролы, ни серенады, ни Рафаэль. Его всецело захватил своим могучим творчеством только один Микель Анджело.

¹⁵³ Андреев был арестован 9 февраля 1905 г., выпущен под залог 25 февраля 1905 г. См.: *Андреев Л.* Письма из Таганской тюрьмы / Вступ. статья и коммент. Л.Н. Афонина // Звезда. 1971. № 8. С. 168–183.

¹⁵⁴ А.М. Велигорская умерла 28 ноября 1906 г.

В 1907 г. Л. Андреев вернулся в Россию и переехал на жительство в Петербург, конечно, вместе с матерью. С этого момента я упускаю Л. Н-ча из поля своего зрения и встречаюсь с ним гораздо реже. В Москве оставалась его сестра Римма Николаевна¹⁵⁵, бывшая замужем за секретарем газеты «Уро России» Аркадием Павловичем Алексеевским¹⁵⁶: впоследствии она с ним разошлась и вторично вышла замуж за архитектора Андрея Андреевича Оль¹⁵⁷. В Москве же жил брат Л. Н-ча Всеволод Николаевич Андреев, судебный исполнитель и по-прежнему судебный пристав Московского окружного Суда, с которым я, в связи с делами моей адвокатской профессии, нередко встречался¹⁵⁸. И всякий раз при встрече мы неизменно беседовали с ним о жизни Л. Н-ча в Петербурге. Кроме того, Л.Н. довольно часто приезжал в Москву ставить свои пьесы в Малом и в Художественном Театре. Как правило, он все свои новые пьесы читал небольшому кружку московских критиков и театроведов в редакции журнала «Рампа», где я всегда присутствовал на этих чтениях и встречался с Л. Н-чем.

Недавно пересматривая свой архив, я набрел на одно письмо Л. Андреева, в котором он дает очень интересное высказывание о поэзии Некрасова. «Я вообще не люблю стихов, — пишет Л. Н-ч, — мне трудно их читать и оттого все свои суждения о поэтах я должен высказывать с большой осторожностью и недоверием к себе. О Некрасове я могу судить только по впечатлениям юности, так как в последние годы я его не перечитывал, а впечатления юности часто только мешают правильной критической оценке. Некрасов не был моей первою любовью и захватывал меня меньше, чем другие поэты, и менее всего захватывали меня его гражданские стихотворения. Очень часто они казались мне неискренними, быть может под давлением тех смутных и особенно сильных в своей неопределенности о личности поэта слухов, которые циркулировали тогда в обществе. Впоследствии я узнал цену этим слухам и понял, какую жестокою несправедливостью оказалось русское общество Некрасову, но избавиться от тяжелого и смутного недоверия к его гражданственной искренности я не мог, о чем всегда сожалел и сожалею. Другие стихотворения Некрасова, не гражданские, нравились мне значительно больше: трогали меня глубоко своей искренней и тихой поэзией и нередко заучивались наизусть. В настоящее время, как мне кажется, Некрасов уважаем более чем когда-нибудь, — и

¹⁵⁵ Римма Николаевна Андреева (1881—1941) — сестра Л. Андреева и автор воспоминаний о нем.

¹⁵⁶ Аркадий Павлович Алексеевский (1871—1944) — журналист, приятель и корреспондент Андреева.

¹⁵⁷ Оль Андрей Андреевич (1883—1958) — архитектор.

¹⁵⁸ Всеволод Николаевич Андреев (1877—1916) — младший брат писателя, юрист.

менее чем когда-нибудь читаем»¹⁵⁹. Письмо это датировано 26 декабря 1902 г.

Любопытно сопоставить это высказывание Л. Андреева с нашим теперешним отношением к Некрасову через 40 лет. Сейчас Некрасов читаем более чем когда-либо, причем даже молодежь читает и ценит его гражданские, патриотические стихотворения преимущественно перед лирическими.

В Петербурге Л. Н-ч повел широкий образ жизни; снял фешенебельную квартиру на шикарном Каменноостровском проспекте, завел много прислуги. Здесь он вторично женился на своей секретарше, дочери одесского журналиста Денисевича¹⁶⁰. Ее звали Матильда Ильинична. Но Андрееву не нравилось это имя, и он переименовал ее в Анну, и звал Анной Ильиничной¹⁶¹.

Нужно сказать, что Л. Н-ч был необычайно чадолюбивым и домовитым семьянином. Он считал, что не только не следует, а просто даже неприлично мужчине быть холостым и как ни любил он свою первую жену, как ни оплакивал безвременную смерть Александры Михайловны, он очень скоро после ее кончины вступил во второй брак.

В Петербурге известность Л. Андреева еще более возросла. Здесь им написаны: «Царь Голод», «Иуда», «Жизнь человека», «Рассказ о семи повешенных» и все его известные пьесы. Вместе со славой пришел и достаток. Л. Н-ч первый из русских писателей взвинтил размер авторского гонорара до тысячи рублей за лист. Кроме того, он получал огромную поспектакльную плату со своих пьес, шедших почти во всех театрах страны.

От первой и второй жены у Л. Н-ча было три сына; звали их всех также не совсем обычно: Вадим, Даниил и Савва¹⁶². Хотя все эти имена и имеются в святцах, и их носят многие русские люди, но при их соединении в одной семье все-таки в них есть что-то необычное, своеобразное, тенденциозное; есть какая-то игра; это не обычные Иван, Петр, Сергей, Василий, Степан, а Вадим, Даниил и Савва.

¹⁵⁹ Кара-Мурза цитирует ответ Андреева на анкету «Отжил ли Некрасов?», проводившуюся газетой «Новости дня». Реплика Андреева напечатана: *Новости дня*. 1902. № 7 023. 27 декабря. С. 3.

¹⁶⁰ Денисевич Илья Николаевич (1861–1919) — присяжный поверенный, секретарь одесской городской управы, позже — уполномоченный Городского общественного управления Москвы. См. о нем: *Панасенко Н.* Чуковский и Денисевичи // *Дерибасовская — Ришельевская*. Одесса, 2010. Вып. 42. С. 64–71.

¹⁶¹ Андреева (урожд. Денисевич; в 1-м браке Карницкая) Анна Ильинична (1885–1948).

¹⁶² Биографии первых двух общеизвестны. Савва Леонидович Андреев (1909–1970) — художник, балетный танцор. См. о нем: «Верная, неизменная, единственная...» Письма Леонида Андреева к матери Анастасии Николаевне из Италии (январь — май 1914 г.) / Вступ. ст., публ. и комм. Л.Н. Кен и А.С. Вагина // *Леонид Андреев. Материалы и исследования*. М., 2000. С. 127–128.

Перед первой империалистической войной Л. Н-ч продал право на издание полного собрания сочинений Марксу, издателю журнала «Нива», за сто тысяч рублей. На полученный задаток Л. Н-ч выстроил себе загородный дом в Финляндии, в урочище Ваммельсу¹⁶³ при впадении Черной Речки в Финский залив, в 7 километрах от ст. Райвола Финляндской жел. дор.

Дом был очень оригинальной северной архитектуры, в норвежском стиле. Строил его шурин Л. Н-ча, архитектор Оль, второй муж Риммы Николаевны Андреевой, причем сам Л. Н-ч принимал большое участие в его проектировании и сам рисовал и чертил многие детали дома.

Огромную комнату во втором этаже Л. Н-ч украсил рядом панно своей работы: картинами во вкусе Франсиско Гойя. В этом большом уютном кабинете самому хозяину было жутковато, и когда он по ночам писал свои страшные вещи, Л. Н-ч сам боялся оставаться один, и жена просиживала с ним целые ночи без сна, кутаясь в теплый платок.

Сначала Андреев в шутку называл свою дачу «Аванс», т.к. она была выстроена на деньги, полученные от Маркса авансом. А затем дал ей наименование «Белая ночь».

Писатель был очень популярен во всей округе. Он ежегодно устраивал празднества: собирал окрестную финскую детвору и зажигал для нее елку, щедро одаривая детей гостинцами.

Его яхта, в которой он совершал довольно дальние плавания, была известна всему местному населению. Уже во время войны, перед самой революцией, Л. Н-ч собирался купить целый остров в финляндских водах и построить себе новый пароход для сообщения с островом. Уже был изготовлен, по чертежам Л. Н-ча, проект корабля, в котором предусматривалось устройство нескольких комнат для постоянного жилья. Осуществлению этих грандиозных планов помешала революция.

На даче у Андреева было 13 человек прислуги, совершенно ему не нужной. Слуги жили во флигеле в полном довольстве на положении пенсионеров. Словно Л. Н-ч вознаграждал себя сейчас за свою былую нужду и недостаток, кому-то мстил за свою нищенскую молодость.

Здесь он играл магната, полноправного хозяина своих собственных доменов. Недаром еще в гимназии Л. Н-ч был известен под ученической кличкой «Герцог», а Илья Ефимович Репин называл его «Лоренцо Великолепным»¹⁶⁴.

¹⁶³ Ныне — пос. Серово в составе Санкт-Петербурга. Дом не сохранился.

¹⁶⁴ Об этом прозвище вспоминает К. Чуковский (Книга о Леониде Андрееве. С. 81).

И вот однажды один из слуг, озверев от праздности и тунеядства, от безделья и острой зависти к великодушному хозяину, пытался застрелить Андреева из револьвера. Известие об этом покушении на популярного писателя чрезвычайно быстро облетело весь мир. Уже на второй и на третий день со всех сторон, и даже из Нью-Йорка, стали приходить сочувственные телеграммы и письма, показывающие, что у Андреева есть немало искренно любящих его читателей-друзей.

Эта загадочная история рисуется в следующем виде: весной 1911 г. на дачу писателя явился неизвестный, назвавшийся Абрамом Григорьевичем Ковбасенко с просьбой дать ему работу¹⁶⁵. Хотя работы для него не оказалось, но он был, в виду его бедственного положения, оставлен. Впоследствии Л. Н-ч придумал для него работу: уход за лошадьёю и заведывание водокачкой.

Ковбасенко оказался человеком резко нетерпимого и не совсем уравновешенного характера. Но к Андрееву он с первых же дней стал относиться с каким-то неестественным, грубоватым и тяжелым обожанием, и принял на себя странную роль его охранителя. Браня и упрекая всех тех, кто будто бы причиняет Л. Н-чу беспокойство, сам он больше всех нарушал его покой и стал под конец чем-то вроде кошмара для писателя.

На правах обожателя, друга и охранителя Андреева он стал пользоваться всеми его вещами, распоряжаться ими как своею собственностью, носить его платье и пр. В конце концов Л. Н-ч вынужден был вывесить на дверях своего кабинета объявление следующего содержания:

«Прошу с моего стола ручек, перьев, карандашей, ножей и пр. ни в каком случае не брать. Вещей, находящихся в моем кабинете и библиотеке, книг, альбомов, фотографий и пр. прошу без моего разрешения не брать. Моих носильных вещей, без которых я сам не могу выйти из дому, а также моих лыж, велосипеда и коньков прошу без моего разрешения не брать и пользоваться для своих надобностей запасными лыжами, коньками и велосипедом». Заканчивалось объявление словами: «Только при том условии, если каждый домашний возьмет на себя свою долю забот об общем порядке и будет внимательно относиться к интересам другого, возможно создание совместной мало-мальски сносной жизни».

Само по себе это безобидное объявление, свидетельствующее об исключительном долготерпении писателя и о своеобразных от-

¹⁶⁵ Излагаемая далее история А.Г. Ковбасенко (наст. имя — М.Х. Румянцев) широко обсуждалась в прессе; см. свод откликов: Леонид Николаевич Андреев. Библиография. Выпуск 2. Литература (1900–1919). М., 1998 (ук.). Обзор см.: *Андреев Л.* Далекое. Близкие. Сборник. М., 2011. С. 158–159 (комм. В.Н. Чувакова).

ношениях хозяина к работникам, породило целую бурю возмущения среди прислуги, особенно сильную реакцию вызвав у Ковбасенко.

В 11 часов вечера 29-го декабря Л. Н-ч сидел у себя в кабинете, разбирая бумаги. Внизу в столовой ужинали. С большою кипой книг в столовую вошел Ковбасенко и стал подниматься вверх к Андрееву. В приемной у двери в кабинет его догнала жена Л. Н-ча и, загородив дверь, сказала, что в кабинет войти нельзя, т.к. Л. Н-ч сел работать. — Пусти, — крикнул Ковбасенко. — Я вас не пущу, — настаивала Анна Ильинична. С шумом бросив книги на пол, Ковбасенко непозволительно грубо изругал хозяйку дома. На шум и на испуганный крик жены выбежал в приемную Л. Н-ч. — Что вы позыгаете себе делать, — крикнул Л. Н-ч. — Вы меня оскорбили, — отвечает Ковбасенко. — Чем оскорбил? — Вы меня оскорбили. — Чем? Приведите хоть одно мое резкое слово. — Вы меня оскорбили. Вот тебе, — крикнул Ковбасенко и выстрелил в Андреева. К счастью, он промахнулся, и пуля застряла в стене на расстоянии одного-двух вершков от того места, где стоял Л.Н. И в третий раз покушение на жизнь писателя окончилось благополучно.

Наутро Ковбасенко скрылся из Ваммельсу и через несколько дней был арестован в Петербурге. Замечательно, что когда финляндские судебные власти допрашивали Андреева об обстоятельствах происшедшего, Л.Н. рыцарски выгораживал Ковбасенко и определенно заявил, что он выстрелил нечаянно. Как видно из письма Андреева одному из друзей, его больше всего интересовала психологическая сторона этого инцидента.

Вот что он писал: «Я думаю, что Ковбасенко, по крайней мере в тот момент, когда он стрелял в меня, был психически ненормален. С ним произошло то, что я назвал бы “разложением личности”». Пока Ковбасенко находился в сфере обычных житейских отношений, грубости, принуждения, кулака, голода и безработицы, все сложные и запутанные элементы его психики объединялись единым стремлением к сохранению жизни. Когда же он попал в среду совершенно необычных для него отношений мягкости и предупредительности, он почти сразу сбросил с себя железные путы принуждения, и то, что в хаотическом беспорядке таилось на дне его души, всплыло наружу. Душа же Ковбасенко — это то дикое, печальное и несуразное, чем так богата русская действительность последних дней. С одной стороны почти дикарь, с другой стороны почти интеллигент, он безнадежно запутался в тех ужасных противоречиях жизни, в которых часто погибают и сильнейшие, чем он, люди. Добро и зло, буржуа, писатель, Толстой и Ницше превратились в сплошную кашу. Для меня несомненно, что вообще стремления его идеальны, но кто его друг, кто его враг в этом сплошном маскараде, каким является жизнь, и в котором люди теряют даже свое собст-

венное лицо, он понять не может. Недобрый и от природы, в школе российской жизни он стал злым, минутами до зверства, но на кого должна быть обращена злоба, опять-таки понять не мог. Со слезами говоря о рабочих, о задавленных жизнью, он в жизни немилосердно преследовал тех же рабочих, горничных, кухарок, мужика-дворника. Какие-то гордые слова о человеке, о личности как заостренные колья застряли в его мозгу, и куда бы он ни поворачивал голову, он с болью натыкался на острие своей собственной мысли. И чем лучше к нему относились, тем становился он несчастнее — временами было жалко смотреть на его ядовитую, внутрь души обращенную злость. Худой, костлявый, с белесыми странными глазами, всегда обращенными в сторону, он был печальной тенью даже в солнечный день. Мне всегда хотелось хоть чем-нибудь его обрадовать, но никогда я не мог угадать тех реакций, какими безумие его несчастной души ответит на ласку. Стеля в меня, он стрелял в какую-то страшную маску, пригрезившуюся ему, в одном из тех печальных снов, какими грезит измученный, отравленный русский человек»¹⁶⁶.

Эту блестящую характеристику человека, могущего его убить наповал, я считаю одним из небольших литературных шедевров Андреева, оброненных мимоходом в дружеском письме. Вообще, Л. Н-ч был большим мастером эпистолярного искусства и письма его представляют первоклассный стилистический интерес.

Совсем накануне революции в декабре 1916 г. министр внутренних дел презренный Протопопов¹⁶⁷ затеял в Петербурге издание большой ежедневной политической газеты «Русская воля». Газета была поставлена на широкую ногу, многополосная, с большим отделом публикаций, с огромным количеством телеграмм от собственных корреспондентов, американского типа, с крупными ежемесячными окладами и высоким построчным гонораром.

У Протопопова, чувявшего неотвратимую поступь революции и через несколько месяцев поставившего на крышах петербургских домов пулеметы, чтобы заливать оттуда свинцом безоружный народ, были какие-то свои диверсионные планы, которые он хотел осуществить посредством своей газеты, направив внимание русского общества в сторону от интересов революции в иное русло.

Крупнейшие банкиры и финансовые дельцы пошли навстречу своему министру и предоставили ему средства. Пост заведующего литературным отделом в «Русской воле» был предложен Л. Андрееву. Протопопов полагал, что Андреев сумеет, благодаря исключительной популярности своего имени, собрать вокруг себя лучшие

¹⁶⁶ Письмо это нам неизвестно.

¹⁶⁷ Александр Дмитриевич Протопопов (1866–1917).

писательские силы и вся русская литература будет у Протопопова в кармане.

Андрееву, конечно, следовало отказаться от предложенной чести. Но он принял пост редактора литературного отдела газеты и с этого момента погубил свою безупречную дотоле литературную репутацию. Ни один уважающий себя русский писатель работать к нему в «Русскую волю» не пошел, и Л. Н-ч оказался изолированным¹⁶⁸.

У Л. Андреева было одно горе: он страдал политической слепотой: ничего не понимал в конъюнктуре дня, совершенно не разбирался во взаимоотношениях различных партий и был примитивно беспомощен, почти неграмотен в вопросах общественной тактики и политической стратегии. Это была не вина его, а беда его. Этим объясняется, что он не понял контрреволюционной сущности протопоповской затеи и пошел к нему на удочку высокой заработной платы.

Но несомненно, что Л. Андреев был патриот, любил Россию, обожал родину. Когда нужно было, он находил пламенные слова для любви к отечеству. Когда русская армия в первой империалистической войне на минуту дрогнула, Л. Андреев обратился к русскому солдату со следующим призывом. «Ты был храбр на поле битв, русский солдат! Долгая история народа русского хранит многие следы твоих подвигов, твоей дивной стойкости в огне и страданиях. Кто слышал стоны и жалобы русского солдата? Стиснув зубы от невыносимых страданий, часто обманутый, нередко преданный дурными вождями, часто брошенный и забытый, ты одиноко умирал в снегах Шипки, и на знойных маньчжурских полях, единому Богу отдавая свою честную солдатскую душу. Ты был мучеником, но никогда ты не был изменником и трусом, солдат! И за эту кровь твою любил тебя втайне русский народ. Ты, солдат, наша единая защита! Тебе доверено все: вся жизнь и все достояние России. Тебе доверены поля наши и леса, наши города и села, наши тихие реки, наши церкви и молящиеся в них. За твою спиной колосилась рожь, святое достояние Руси, — теперь ее пожнут германцы. Ты солдат, которого мы любили и любим. Восстань же, солдат! Поднимись из праха, открой нам и Богу человеческое лицо. Взгляни на высокое небо. Взгляни на родную землю, которая молит тебя о спасении. Были дни, когда тебя осенил дух Божий, призови его снова, стань героем, каким ты был когда-то. Очнись! Родина зовет тебя. Встань, милый солдат»¹⁶⁹.

¹⁶⁸ В частности, эпизод с отказом от участия описывает в своих воспоминаниях Блок (Книга о Леониде Андрееве. С. 102–103). Ср. несколько (по велению времени) тенденциозное, но подробное изложение роли Андреева в «Русской воле»: Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 456–457.

¹⁶⁹ *Андреев Л.* К тебе, солдат! // Русская воля. 1917. № 166. 14 июля. С. 2.

С нашей, сегодняшней точки зрения, этот категорический призыв несколько наивен и мелодраматичен, но кто может отказать ему в патриотизме?

Великая Октябрьская революция застала Л. Андреева в Финляндии, и в Россию он больше не вернулся. Но все два года, что он еще прожил на свете вдали от родины, на чужбине, он мечтал и собирался вернуться в Россию, как мечтали и мечтают все лучшие русские люди, застрявшие по тем или другим причинам за границей: Репин, Куприн, Рахманинов, Гречанинов, Кусевицкий и др.

Однажды в сентябре 1919 г. Л. Н-ч был вызван в Гельсингфорс для переговоров. Думая, что речь идет об условиях его возвращения в Россию, Андреев поехал. Каково же было его изумление, когда вместо переговоров о переезде в Советскую Россию ему был предложен... пост министра пропаганды в белом антисоветском правительстве генерала Юденича¹⁷⁰.

Но как ни был слеп и беспомощен в политических вопросах Л. Андреев, он понял всю гнусность сделанного ему предложения идти против родины и с негодованием отверг его. События последних трех лет его кое-чему научили. Если в 1916 г. он не разобрался в контрреволюционной сущности предложения, сделанного ему Протопоповым, то здесь он хорошо понял, куда гнет приглашение Маннергейма¹⁷¹. Переговоры в Гельсингфорсе подействовали на впечатлительного писателя ошеломляющим образом, и он был до такой степени потрясен, что тяжело заболел. Чувствуя, что он не доедет до дому в Ваммельсу, Л. Н-ч заехал на дачу к своему знакомому, драматургу Фальковскому¹⁷² в Мустомяки и здесь у него в гостях, 12 сентября 1919 г. внезапно умер от удара.

Л. Н-ч не раз высказывал желание быть похороненным в Москве, на кладбище Новодевичьего монастыря, поэтому родные его долго и бесплодно хлопотали о перевозе его в Москву. А тем временем тело Андреева, запаянное в цинковый гроб, находилось в усыпальнице владельцев дачи. Перевезти Андреева в Россию так и не удалось, и его похоронили в чужом парке, при чужой даче.

Мать Андреева крайне тяжело переживала потерю любимого сына. В первое время она даже как будто стала проявлять признаки

¹⁷⁰ Слова Кара-Мурзы значительно расходятся с хором источников, единогласно утверждающих, что Андреев, напротив, прилагал значительные усилия, чтобы возглавить антибольшевистскую пропаганду в эмиграции, с чем и был связан его приезд в Гельсингфорс, см.: Два неизвестных письма Леонида Андреева к П.Н. Милюкову (1919) / Публ. Р. Дэвиса // Минувшее. Исторический альманах. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 4. С. 341–343.

¹⁷¹ Никаких свидетельств об участии в переговорах Карла Густава Эмиля Маннергейма (1867–1951) мы не знаем.

¹⁷² Федор Николаевич Фальковский (1874–1942) — драматург; сосед и приятель Андреева.

психического расстройства, не хотела мириться с тем, что он умер, и считала его живым: целые дни проводила у гроба, беседовала с ним, читала ему газеты. Затем обстоятельства заставили ее уехать в Ваммельсу, где, не будучи в состоянии перебороть свою тоску, она покушалась на самоубийство, но ее вовремя вытащили из петли. Через несколько дней, однако, ее нашли лежащей на полу, мертвой¹⁷³.

Вскоре после смерти Л. Н-ча в Финляндию прибыл профессор Калифорнийского Университета в Сан-Франциско Стенбок, собирать материалы для своей монографии о жизни и творчестве Л. Андреева¹⁷⁴.

Тело Л. Н-ча похоронено в Мустомяках, а не в Новодевичьем монастыре, как он хотел, но мы имеем у себя два замечательных портрета Андреева, написанных нашими лучшими художниками-портретистами: Репиным и Серовым. На портрете Репина Л. Н-ч изображен молодым, сильным, здоровым и жизнерадостным, каким я его знал в Москве. С полотна Серова на нас смотрит страдальческий лик писателя с лихорадочно блестящими глазами в глубоких, тяжелых орбитах.

Советская власть простила Л. Андрееву все его вольные и невольные прегрешения. Сочинения его переиздавались и издаются; пьесы его шли и идут в наших театрах; Алекс. Макс. Горький опубликовал свои воспоминания об Андрееве, как о своем лучшем друге. В Пушкинском Доме в Ленинграде имеется отдельная комната, посвященная памяти Леонида Андреева, в которой собрано большое количество материалов в виде автографов, фотографий, сочинений и литературы о нем. Академия Наук обратилась ко вдове Андреева Анне Ильиничне с просьбой о передаче Пушкинскому Дому тех предметов, реликвий, корреспонденций и картин работы Андреева, которые находились за границей¹⁷⁵.

Л. Андреев не забыт. Не далее как несколько дней тому назад, в № 34 газеты «Литература и искусство» в статье «Бессмертие Щепкина» упоминается одно из произведений Л. Андреева. Автор статьи Нароков говорит, что будь Щепкин жив, он напитался бы полной родительской усладой «Талантами и Поклонниками», пролил бы обильные слезы на «Дяде Ване» и «Чайке», предельно уми-

¹⁷³ Анастасия Николаевна Андреева умерла 2 декабря 1920 г. (см.: *Андреев Л. Дневник 1891–1892 гг.* / Публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 г. СПб., 1994. С. 137).

¹⁷⁴ Кара-Мурза ошибается — визитером был Александр Самюэль Каун (1889–1944), американский историк литературы русского происхождения, автор книги: *Каун А. Leonid Andreyev. A critical study.* N-Y., 1924.

¹⁷⁵ Архив Андреева в настоящий момент разбединен в основном между четырьмя хранилищами — РГАЛИ, ИРЛИ, Русским архивом Лидса и архивом Гуверовского института.

лился бы «Синей Птицей» и пришел бы в восхищение от «Жизни человека»¹⁷⁶. Таким образом автор статьи сегодня поминает Л. Андреева рядом с Островским, Чеховым и Метерлинком.

Несколько раз мне пришлось слышать от Л. Н-ча странное выражение: «Мы, орловцы — проломленные головы», и я никогда не понимал смысла и значения этой фразы. Я вспомнил об этих словах писателя недавно, когда услышал по радио о том, с каким доблестным героизмом, с какой жертвенной патриотичностью сумели орловцы сбросить с себя ужасный гнет гитлеровского бандитизма и выгнать фашистских мерзавцев со священных полей своей земли. И необычайная хранимость Андреева мне представилась символом сохранности его родного города, Орла. Трижды бывший объектом покушения на свою жизнь Андреев оставался цел и невредим. Также и Орел, разгромленный, сожженный, разрушенный и обескровленный, он возродился как феникс из огня, разбив наголову немецких оккупантов и обессмертив свою борьбу за независимость, за честь и за культуру.

А три замечательные орловские стрелковые дивизии, показавшие на Тургеневских, Лесковских, Андреевских местах столько блестящих примеров храбрости и выдержки русского бойца, — покрыли себя неувядаемой славой, которая никогда не померкнет в памяти людей, защищающих свою родину во имя гуманизма, прогресса и свободы, и которая утвердила вечную незыблемость Орла.

Литература

Андреев Леонид. Дневник 1891–1892 гг. / Публ. Н.П. Генераловой // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 г. СПб.: Академический проект, 1994. С. 81–141.

Андреев Л.Н. Дневник. 1897–1901 гг. / Сост. М.В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 298 с.

Андреев Л. Письма из Таганской тюрьмы / Вступ. статья и коммент. Л.Н. Афонина // Звезда. 1971. № 8. С. 168–183.

Брюсов В. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / Сост. Е.В. Иванова. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 415 с.

Великий Кино. Каталог сохранившихся игровых фильмов России. 1908–1919. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 568 с.

«Верная, неизменная, единственная...» Письма Леонида Андреева к матери Анастасии Николаевне из Италии (январь–май 1914 г.) / Вступ. ст., публ. и комм. Л.Н. Кен и А.С. Вагина // Леонид Андреев. Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. С. 92–142.

Волдемар Матвей (Владимир Марков) (1877–1914): Статьи. Каталог произведений. Письма. Хроника деятельности «Союза молодежи» / Государственный художественный музей (г. Рига); Сост. и коммент. Ирена Бужинска. [М.]: Neputns, 2002. 152 с.

¹⁷⁶ *Нароков Н.* Бессмертие Щепкина // Литература и искусство. 1943. № 34. 21 августа. С. 3.

Два неизвестных письма Леонида Андреева к П.Н. Милокову (1919) / Публ. Р. Дэвиса // Минувшее. Исторический альманах. Paris: Atheneum, 1987. Вып. 4. С. 338–366.

Емельянов В.Г. Лиза Калитина и орловские реалии (к вопросу о прототипе) // Филологические науки. 1985. № 1. С. 72–77.

Из архива А.П. Чехова. Публикации / Отдел рукописей ГБЛ. М., 1960. 260 с.

Книга о Леониде Андрееве. Берлин; Петербург; М.: Изд-во З. Гржебина, 1922. 215 с.

Коровин К. «То было давно... там... в России...». Воспоминания, рассказы, письма. М.: Русский путь, 2010. Кн. 2. 870 с.

Купченко Владимир. Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб.: Алетейя, 2002. 494 с.

Леонид Андреев. Материалы и исследования. М.: Наследие, 2000. 415 с.

Леонид Николаевич Андреев. Библиография / Сост. В.Н. Чуваков. М.: Наследие, 1995–1998. Вып. 1–2.

Летопись жизни и творчества И.А. Бунина / Сост. С.Н. Морозов. М.: ИМЛИ, 2011. Т. 1. 1870–1909. 944 с.

Литературное наследство. М.: Наука, 1965. Т. 72: Горький и Леонид Андреев: Незданная переписка. 630 с.

Лобанов В.М. Кануны. Из художественной жизни Москвы в предреволюционные годы. М.: Советский художник, 1968. 296 с.

Максимова С.Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX — начала XX века. М.: Греко-лат. кабинет Ю.А. Шичалина, 2005. 304 с.

Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники. М.: Индрик, 2003. 528 с.

Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989. 512 с.

Нацоккина М.В. Архитекторы московского модерна. Творческие портреты. М.: Жираф, 1998. 315 с.

Нечаев В.П. В поисках прошлого // In memoriam. Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж: Atheneum, 2000. С. 13–49.

Осоргин М. Заметки старого книгоеда. Воспоминания. М.: Интелвак, 2007. 800 с.

Островский А.Г. Тургенев в записях современников. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1929. 447 с.

Павлова Г.Н. Леонид Андреев и семья Велигорских // Русская литература. 2000. № 3. С. 169–177.

Панасенко Н. Чуковский и Денисевичи // Дерibasовская — Ришельевская. Одесса, 2010. Вып. 42. С. 64–71.

Петровская Н. Разбитое зеркало / Сост. М.В. Михайловой. М.: Б.С. Г.-Пресс, 2014. 960 с.

Русская интеллигенция. Автобиографии и библиографические документы в собрании С.А. Венгерова. СПб.: Наука, 2001. Т. 1. А–Л. 640 с.

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М., 1989–2007. Т. 1–5.

Савинова Е.Н. Виктор Мазырин: Портрет зодчего на фоне времени. М.: А.Ю. Забозлаев, 2013. 256 с.

Соболев А.Л. Из воспоминаний С.Г. Кара-Мурзы // Литературный факт. 2017. № 4. С. 68–123.

Современники А.М. Горького. Фотодокументы. Описание. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 694 с.

Станюкович В.К. Воспоминания о Брюсове / Публ. Н.С. Ашукина и Р.Л. Щербакова // Литературное наследство. М.: Наука, 1976. Т. 85. С. 713–758.

Телешов Н. Записки писателя. М.: Московский рабочий, 1966. 384 с.

Чулков Г. Годы странствий / Под ред. М.В. Михайловой. М.: Эллис Лак, 1999. 864 с.

References

- Andreev L. Pis'ma iz Taganskoi tiur'my. Vstup. stat'ia i komment. L.N. Afonina. *Zvezda*. 1971. № 8, pp. 168–183. (In Russ.)
- Andreev L.N. *Dnevnik. 1897–1901 gg.*, ed. M.V. Koz'menko. Moscow: IMLI RAN publ., 2009. 298 p. (In Russ.)
- Andreev, Leonid. *Dnevnik 1891–1892 gg.*, publ. by N.P. Generalova. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 g.* St.-Petersburg: Akademicheskii proekt publ., 1994, pp. 81–141. (In Russ.)
- Briusov V. *Dnevnik. Avtobiograficheskaia proza. Pis'ma*, ed. E.V. Ivanova. Moscow, OLMA-Press Publ., 2002. 415 p. (In Russ.)
- Chulkov G. *Gody stranstvii*, ed. M.V. Mikhailova. Moscow, Ellis Lak publ., 1999. 864 p. (In Russ.)
- “Dva neizvestnykh pis'ma Leonida Andreeva k P. N. Miliukovu (1919)”, publ. by R. Deviss. *Minuvshee. Istoricheskii al'manakh*. Paris: Atheneum, 1987. Issue 4, pp. 338–366. (In Russ.)
- Emel'ianov V.G. “Liza Kalitina i orlovskie realii (k voprosu o prototipe)”. *Filologicheskie nauki*. 1985. № 1, pp. 72–77. (In Russ.)
- Iz arkhiva A.P. Chekhova. Publikatsii*. Publ. by Otdel rukopisei GBL. Moscow, 1960. 260 p. (In Russ.)
- Kniga o Leonide Andreeve*. Berlin; Peterburg; Moscow: Izd-vo Z. Grzhebinska publ., 1922. 215 p. (In Russ.)
- Korovin K. *‘To bylo davno... tam... v Rossii...’*. *Vospominaniia, rasskazy, pis'ma*. Moscow, Russkii put' publ., 2010. Kn. 2. 870 p. (In Russ.)
- Kupchenko Vladimir. *Trudy i dni Maksimiliana Voloshina. Letopis' zhizni i tvorchestva. 1877–1916*. St.-Petersburg. Aleteiia publ., 2002. 494 p. (In Russ.)
- Leonid Andreev. *Materialy i issledovaniia*. Moscow, Nasledie publ., 2000. 415 p. (In Russ.)
- Leonid Nikolaevich Andreev. *Bibliografiia*, comp. V.N. Chuvakov. Moscow, Nasledie publ., 1995–1998. Issue. 1–2. (In Russ.)
- Letopis' zhizni i tvorchestva I.A. Bunina*, comp. S.N. Morozov. Moscow, IMLI publ., 2011. Vol. 1. 1870–1909. 944 p. (In Russ.)
- Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Nauka publ., 1965. Vol. 72: “Gor'kii i Leonid Andreev: Neizdannaiia perepiska”. 630 p. (In Russ.)
- Lobanov V.M. *Kanuny. Iz khudozhestvennoi zhizni Moskvy v predrevoliutsionnye gody*. Moscow, Sovetskii khudozhnik publ., 1968. 296 p. (In Russ.)
- Maksimova S.N. *Prepodavanie drevnikh iazykov v russkoi klassicheskoi gimnazii XIX — nachala KhKh veka*. Moscow, Greko-lat. Kabinet Iu.A. Shichalina publ., 2005. 304 p. (In Russ.)
- Mel'gunov S.P. *Vospominaniia i dnevniki*. Moscow, Indrik publ., 2003. 528 p. (In Russ.)
- Muromtseva-Bunina V N. *Zhizn' Bunina. Besedy s pamiat'iu*. Moscow, Sovetskii pisatel', 1989. 512 p. (In Russ.)
- Nashchokina M.V. *Arkhitektory moskovskogo moderna. Tvorcheskie portrety*. Moscow, Zhiraf publ., 1998. 315 p. (In Russ.)
- Nechaev V.P. “V poiskakh proshlogo”. *In memoriam. Istoricheskii sbornik pamiatii A.I. Dobkina*. St.-Petersburg; Parizh, Atheneum publ., 2000, pp. 13–49. (In Russ.)
- Osorgin M. *Zametki starogo knigoeda. Vospominaniia*. Moscow, Intelvak publ., 2007. 800 p. (In Russ.)
- Ostrovskii A.G. *Turgenev v zapisiakh sovremennikov*. Leningrad, Izd-vl pisatelei v Leningrade publ., 1929. 447 p. (In Russ.)
- Panasenko N. “Chukovskii i Denisevichi”. *Deribasovskaia — Rishel'evskaia*. Odessa, 2010. Issue 42, pp. 64–71. (In Russ.)

- Pavlova G.N. "Leonid Andreev i sem'ia Veligorskikh". *Russkaia literatura*. 2000, № 3, pp. 169–177. (In Russ.)
- Petrovskaia N. *Razbitoe zerkalo*, comp. M.V. Mikhailovoa. Moscow, B.S.G.-Press, 2014. 960 p.
- Russkaia intelligentsiia. Avtobiografii i biobibliograficheskie dokumenty v sobranii S.A. Vengerova*. St-Petersburg, Nauka publ., 2001. Vol. 1. A–L. 640 p. (In Russ.)
- Russkie pisateli. 1800–1917. Biograficheskii slovar'*. Moscow, 1989–2007. Vol. 1–5. (In Russ.)
- Savinova E.N. *Viktor Mazyrin: Portret zodchego na fone vremeni*. Moscow, IP Zabolzaev A.Iu. publ., 2013. 256 p. (In Russ.)
- Sobolev A.L. "Iz vospominanii S.G. Kara-Murzy". *Literaturnyi fakt*. 2017, № 4, pp. 68–123. (In Russ.)
- Sovremenniki A.M. Gor'kogo. Fotodokumenty. Opisanie*. Moscow, IMLI RAN publ., 2002. 694 p. (In Russ.)
- Staniukovich V.K. "Vospominaniia o Briusove", publ. by N.S. Ashukina i R.L. Shcherbakova. *Literaturnoe nasledstvo*. Moscow, Nauka publ., 1976. Vol. 85, pp. 713–758. (In Russ.)
- Teleshov N. *Zapiski pisatel'ia*. Moscow, Moskovskii rabochii publ., 1966. 384 p. (In Russ.)
- Velikii Kinemo. Katalog sokhranivshikhsia igrovykh fil'mov Rossii. 1908–1919*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. 568 p. (In Russ.)
- "'Vernaia, neizmennaiia, edinstvennaia...'. Pis'ma Leonida Andreeva k materi Anastasii Nikolaevne iz Italii (ianvar'-mai 1914 g.)", introd., ed., comm. L.N. Ken i A.S. Vagin. *Leonid Andreev. Materialy i issledovaniia*. Moscow, Nasledie publ., 2000, pp. 92–142. (In Russ.)
- Voldemar Matvei (Vladimir Markov) (1877–1914): Stat'i. Katalog proizvedenii. Pis'ma. Khronika deiatel'nosti "Soiuz molodezhi"*, publ. by Gosudarstvennyi khudozhestvennyi muzei (g. Riga); comp., comm. Irena Buzhinska. [Moscow], Neputns publ., 2002. 152 p. (In Russ.)

From the Memories by S. Kara-Murza. [2]

Alexander L. Sobolev

Abstract: *Literaturny Fakt* continues to publish the memorial sketches by Sergei G. Kara-Murza (1878–1956) — a journalist, theatre critic, bibliophile, that were to become a part of his unfinished book *Literary Recollections*. The chapters published herewith are devoted to Varvara Alekseevna Morozova's literary circle (1848–1917) and the writer Leonid Andreev

Keywords: biographical documents, Russian literature of the early XXth century, S.G. Kara-Murza, V.A. Morozova, literary circles and salons, L.N. Andreev.

Information about the author: Alexander L. Sobolev, freelance researcher, Moscow, Russia. E-mail: trirodov@gmail.com